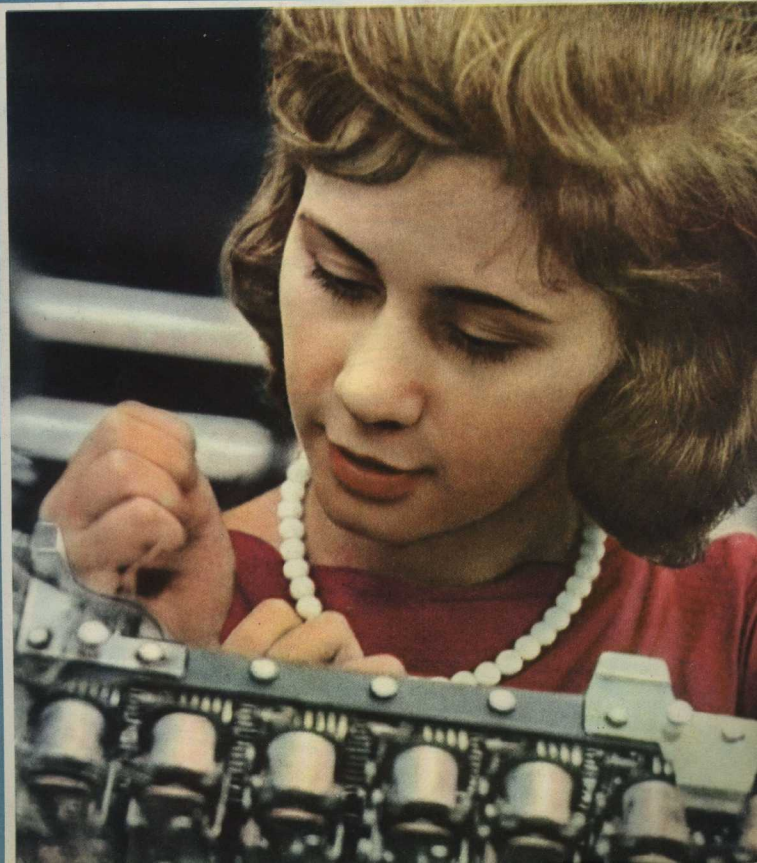

СМЕНА

17 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

17 СЕНТЯБРЬ
1961

Год издания тридцать восьмой

Этот номер журнала подготовлен ленинградцами — писателями, поэтами, общественными деятелями, учеными, журналистами, художниками, фотокорреспондентами.

Первая страница обложки: Дем — за борной аппаратурой, вечером — за книжками и учебниками в техникуме связи. Две Вали Якубовской, монтажницы ленинградского телефонного завода «Красная Звезда», который борется за звание коллектива коммунистического труда, работа давно стала радостью, творчеством, а учеба — потребностью!

Фото В. ЯКОБСОНА.

ГОРОД ПРОБУЖДАЕТСЯ

Ленинградцы А. УШИНА.

СВЕТИТЬ ВСЕГДА!

Александр ПРОКОФЬЕВ,

лауреат Ленинской премии

На долю моего поколения пали три войны. Оно сражалось за Советскую власть в болотах под Петроградом, в снегах Мурмана, на бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока, в степях Украины. В жестоких битвах погубило много замечательных людей моего поколения.

Мои друзья леги на сопках.
В долинах, что горят в цвету.
Моих друзей свистали в толпах.
Но разве можно счесть мечту?

Нет, никакие темные силы не смогли погубить нашу мечту! И вот сегодня она становится явью. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» — торжественно провозглашено в проекте новой Программы партии Ленина.

Недавно мне довелось прочитать слова 19-летней Аурки Павленко из Братска, мечтающей стать учительницей: «Я уже сейчас представляю, как войду впервые в класс и скажу: «Дети, я научу вас читать, писать, рисовать. Я научу вас мечтать».

Сказано великолепно! Какая может быть молодость без мечты! Она окрыляет душу, наполняет тревогой сердце, она зовет вперед. Конечно, мечта мечте рознь. Я помню и другие слова — слова некоей Прокуриной из Приморского края. Пределом ее мечтаний является: выйти замуж, развлекаться, не работать. Пошленная мечта. Да и разве это мечта! Нет, это воля отчаявшегося человека, воля тунца, на которого со всех сторон наступают трудовые советские люди.

Нашему советскому обществу хорошо из-

вестна истина: только труд возмещает человека. Ведь цель нашего труда — коммунизм. И его торжество зависит от работы каждого из нас. Об этом прямо говорится в проекте новой партийной Программы: «Построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума. Победа коммунизма зависит от людей, и коммунизм строится для людей. Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма».

Весел прогрессивный мир полон восхищения перед отвагой и мужеством советской молодежи. Это она по зову партии поднимает целину, строит в тайге города, электростанции, создает новые моря и реки, перестраивает необоримым трудом землю. Это наша молодежь рвется в космос осваивать планеты и звезды!

Наша молодежь умеет мечтать, умеет трудиться, работать по-коммунистически. Востину нам, писателям и поэтам, надо окружить славою работ коммунистических бригад. Пусть вдохновение их замечательного труда войдет в наши стихи и поэмы, заставит гореть слова! Надо любить свой труд. В труде и только в труде человек находит свое призвание, осуществление своей мечты.

Делу нету предела,
Дело отдал гоним,
Хорошо завертело,
Хорошо, что меня!

Мне думается, что только так надо принимать труд, работу, только так!

В проекте Программы КПСС особо подчеркнута роль комсомола как основной созидательной и творческой силы в борьбе советского народа за коммунизм. В историческом партийном документе говорится: «Возрастет роль коммунистического союза молодежи как самостоятельной общественной организации молодежи, помогающей партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить поколение всесторонне развитых людей, которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме. Партия рассматривает молодежь как созидательную, творческую силу в борьбе советского народа за коммунизм».

Комсомол призван в еще больший степени проявлять инициативу и почин во всех областях жизни, развивать активность и трудовую героизм молодежи. Центральное место в работе комсомольских организаций должно занимать воспитание у молодежи беззаветной преданности Родине, народу, Коммунистической партии и делу коммунизма, постоянной готовности к труду на благо общества и к преодолению любых трудностей, повышение уровня общего образования и технических знаний юношей и девушек. Сущнейший долг комсомола — готовить молодежь к защите социалистической Родины, воспитывать самоотверженных патриотов, способных дать решительный отпор нападению любого врага. Комсомол воспитывает молодежь в духе строгого соблюдения принципов и норм коммунистической морали. Своим воздействием в школе и в пионерской организации комсомол призван активно участвовать в формировании жизнестойкости, трудолюбия, физически и нравственно здорового поколения».

Воспитание беззаветной преданности Родине, народу, Коммунистической партии и делу коммунизма — основа основ деятельности комсомола. Дело, за которое страстно и самоотверженно боролись отцы, должно быть передано в надежные руки. Молодежь — будущая планета, молодежь — слава народов, их гордость! Молодежь — порыв, вдохновение. Ей по плечу громадные дела, которые готовит Эпоха. Новая программа партии направлена именно на такие дела. И их свершение войдет в историю не только одной страны или нескольких стран, а в историю всего Человечества.

Великий план построения коммунизма в нашей стране требует напряжения творческих сил всех советских людей, он требует подаяния во имя счастья народов, во имя мира. Наша Родина, как солнце, светит всему человечеству! И я не могу удержаться, чтобы не привести здесь замечательные стихи Маяковского, правда, немного перефразировав их. Нам надо:

Светить всегда, светить везде.
До дней последних дней.
Светить и никуда не глядя!
Вот лозунг наш и социал!

Ким ИВАНОВ,
секретарь Ленинградского
горкома ВЛКСМ

С ем внимательнее вчитываешься в проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, тем глубже осознаешь грандиозность и мудрость этого замечательного документа. Четко, конкретно разработаны в нем пути создания материально-технической базы коммунизма. Вот они перед нами — для трудящихся, объединенных в несокрушимую логику цифр и закономерные выводы марксистско-ленинской теории. Вот она — столбовая дорога, по которой мы пойдем и осуществлению высшей мечты человечества — коммунизму. Грандиозен не только план создания материальной базы коммунизма. За страницами проекта Программы встает величественный образ нового человека, человека коммунистического общества, в котором «расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека».

Изучая проект Программы, невольно думаешь: а успеем ли мы за этот короткий срок стать таковыми, чтобы войти в светлое коммунистическое здание?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо поближе присмотреться к тому, чем живет сейчас наша молодежь.

Не так давно по Большому проспекту Васильевского острова шел паренек, с виду неприметный, обычный, каких на каждом шагу встретишь в Ленинграде. Шел не спеша, по-хозяйски поглядывая по сторонам. Стоп!

— Товарищ, поднимите окурки! — Вразивший ситуацию. Отправлял извивающую папиросу в урну. Спрашивает: — А мы, собственно, кто? Из бригады коммунистического труда? Батенька, я же тоже батенька. Из 14-го цеха. А для окурков, конечно, есть урны. Фахт.

Этот маленький эпизод произошел во время рейда, проведенного участниками движения за коммунистический труд.

Откровенно говоря, когда мы в городском комитете комсомола намечали этот необычный рейд, ново-то сомневались: «А получится ли?»

Но когда активисты пришли в комсомольские организации, в бригады коммунистического труда, рассказали о задаче рейда, все сомнения рассеялись. Участники движения за коммунистический труд отнеслись к идее рейда как к своему орановому делу. Оно им было разведано будущего вышли на улицы города.

В один из шабвов привели шестидеятителетного слесаря Геннадия Пузина. Он

НА ГЛАВНЫХ ПОДСТУПАХ

ОБСУЖДАЕМ ПИСЬМО РАБОЧИХ ДЕПО МОСКВА-
СОРТИРОВОЧНАЯ*)

А. СЛЕПУХИН, председатель Ленинградского
областного совета профессиональных союзов

М огучим потоком разлилось по стране патристическое движение коллективов и ударников коммунистического труда. Только в Ленинграде и области в этом движении участвуют более 1 700 цехов, около 1,5 тысяч смен, 5 746 участков, 1 200 отделов, около 39 тысяч бригад и свыше 108 тысяч рабочих. За звание «Предприятие коммунистического труда» борются 597 коллективов промышленности, транспорта, строительства, торговли.

Весть о созиме в октябре этого года XXII партийного съезда и опубликование проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза вызвала новый прилив сил и энергии у многомиллионной армии трудящихся.

В ходе обсуждения великой Программы повсеместно рождаются замечательные творческие почини, выдвигаются сотни и тысячи предложений, появляются целые новаторские коллективы. В Ленинграде по инициативе коллектива завода «Электросила» началось соревнование за право называться предприятием высокой культуры. Это почин подхватили многие заводы и фабрики. Это движение является как бы преддверием для получения звания «Предприятие коммунистического труда».

Во многих городах страны получило поддержку начинание

* См. «Смеуту» №№ 12, 13, 14, 16.

Алексей ЛОСЕВ

Фото Г. ФЕДОРОВА.

На хохмистом берегу Чулыма раскинулся основной бор. Бор шлепестит под ветром поднятыми к небу ветвями, а в жаркие дни насыщает воздух таким ароматом, что дышать — одно удовольствие. А над верхушками сосен и елок высятся стрелы кранов: в бору строят дома.

Когда поселки возникают так: рубят лес (чтобы не мешала строить), возводят здания, а затем обсаживают их редкими тополями и прутками, Строители поселка Над Чулымом ринились сохранять дери природы, которая потрудилась хотя и несколько беспорядочно, но зато добросовестно. Дома в Бору (так называется поселок) растут, как грибы. Это относится и к типичному строительству и к самому виду нарядных, крепких двухэтажных и трехэтажных домиков, привольно раскинувшихся у подножий вековых деревьев.

В 1936 году, когда на месте поселка еще шумел лес, в Ленинграде, в большом здании на Суворовском проспекте, шли жаркие споры. Сотрудники ленинградского отделения института «Теплоэлектропроект» обсуждали проектное задание на строительство мощной тепловой электростанции в Назаровском районе, Красноярского края. Ленинградским проектировщикам не впервые предстояло разработать проект электростанции для Сибири. Ленинград уже давно стал энергетическим шефом молодого края. Но инженеры хорошо понимали, насколько ответственной работа по Назаровской ГРЭС. Эта станция, расположенная в сердце Сибири, должна своим током обеспечить строительство Красноярской ГЭС, а после ввода в строй гиганта на Висее поддерживать и дублировать его в единой энергетической системе. Ведь даже самые мощные гидроэлектростанции зависят в своей работе от годового режима реки, на которой построены.

Место для строительства ГРЭС было выбрано на болоте. Почему именно на болоте? Привычка геодезистов? Нет, все было тщательно продумано: во-первых, лучше строить на осушенных болоте, чем в лесах усадь, которые простоят повсюду вокруг; во-вторых, нужна была непосредственная близость будущей электростанции к реке, питающей сложную систему охлаждения. Теперь, когда болото осушено и на его месте высится сорокаметровая вышота здания ГРЭС, связанное с Чулымом системой каналов, же-

леводорожной веткой и открытым углеразрезом, ясно, как точно был выбор места стройки.

Много родителей у сибирского теплового богатыря — большие сотни ленинградских инженеров, на долгие месяцы связавших свои планы, заботы, тревоги с назаровской стройкой. Скорей всего их общее имя — ленинградцы, понятие, объединяющее и главного инженера проекта Григория Андреевича Корница и техника-комсомольца Гаю Михайлову.

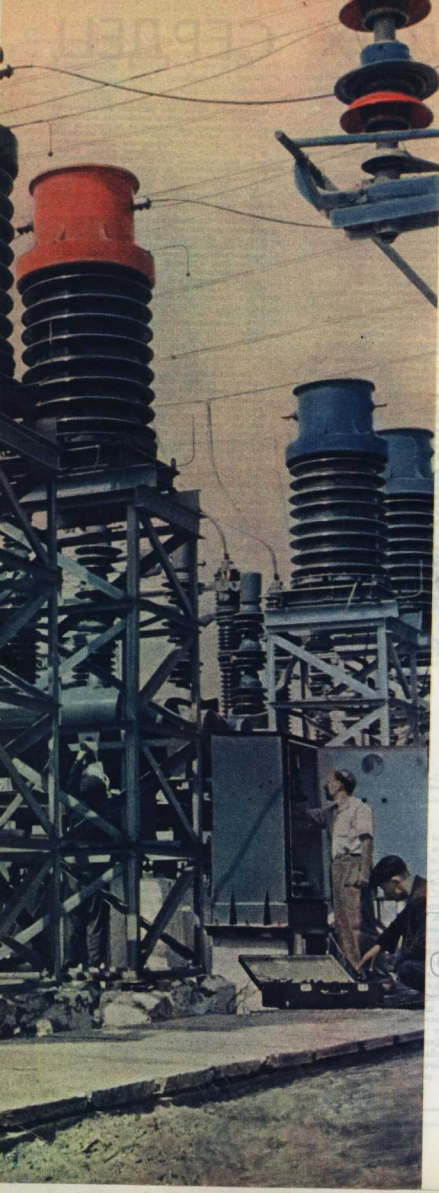
В наше время необычайно расширился круг «навающих и путешествоющих». Для многих ленинградских инженеров, техников и рабочих ленинградская прописка стала не столько документом, удостоверяющим место жительства, сколько свидетельством высокого технического мастерства. Блут на Назаровскую ГРЭС, как и на другие стройки страны, инженеры, наладчики, монтажники «Электро-силы» и охватывают там не только испытательные, отлично работающие механизмы, но и драгоценные электротехнические традиции — ленинградский класс работы.

Генераторы — сердца великанов. На заводе «Электросила» налажен серийный выпуск сердец. Сердце есть сердце, и каждый раз требуется немало хлопот и забот, чтобы «оживить» его в огромной станции, задать ему нужные ритмы.

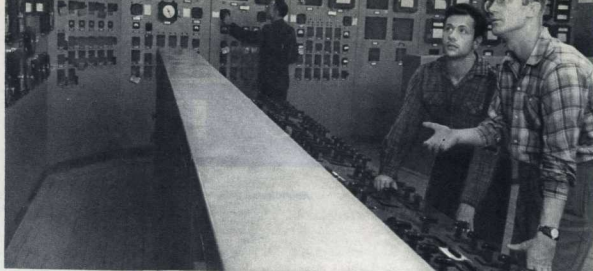
Назаровское «сердце» мощностю в 165 тысяч киловатт требовало к себе особого внимания. Для сибирской стройки конструкторы предложили новый, усовершенствованный тип генератора. 165 тысяч киловатт — это немного для гидростанции, но очень много для станций тепловых. Потребовалась принципиально новая разработка важнейших узлов агрегата.

В электросиловом бюро турбогенераторов, а в заводском проектно-технологическом бюро ленинградского института для назаровской машины была разработана совершенно новая система охлаждения. Машина стала компактной, надежной, топа на шестидесять летче прежних образцов.

На последнее испытание ленинградский инженер Владимир Цицарин приехал вместе с одним из авторов системы охлаждения, Николаем Зуевым. И многоопытный Цицарин и молодой Зуев верили в свою машину, но готовились к предстоящим трудностям. Как подсказывала практика прошлых лет, должен обязательно закаливающийся, впервые получив полную на-

Испытание, проверка, перепроверка... Слесарь-ленинградец Николай Пряников еще раз внимательно осматривает подшипники генератора.

це сидит, а слева уже луна выкатилась.

Андрей смеется. Я хочу спросить его, как же насчет белой лошади, но он уже начинает рассказывать про выпрямитель.

Гаял Михайлова — ленинградка. Однако далеко не каждому ленинградцу довелось бывать в Галинских родных местах. Ее дом — в поселке 5-й ГЭС, что за Малой Охтой, на правом берегу Невы. Гале приходилось очень далеко ездить в техникум — на Мохувую улицу. Потом на работу — на Суворовский проспект. Она вставала рано, раньше других, и, жасот от сырости утреннего ветра с Невы, бежала к автобусной остановке. Но как бы рано ни вставала Гаял, как бы поздно ни возвращалась она с молодого вечера в институте или с комсомольского собрания, она всегда видела перед своим домом светящуюся всеми окнами машину ГЭС, слышала ровный шум ее машин.

Хоти Гаял работала в институте, имеяшем непосредственное отношение к электростанциям, ей порой казалась загадочной и недоступной та напряженная, исполненная исключительного значения жизнь, которую ведут электрики вокруг своих могучих турбин и генераторов. Если бы ей тогда сказали, что скоро она сама будет так же просто проходить по цехам огромной электростанции, как по

институтским коридорам, Гаял, наверное, не поверила бы. Но случилось именно так. Техника Гаял Михайлову вместе с ведущими инженерами проекта командировали на строительство Назаровской ГРЭС.

Своенравный, стремительный Чулым не похож на плавную Неву. Его почти необжитые холмистые таежные берега не имели гранитных набережных. И даже сама электростанция с торчащими наружу толстыми ребрами арматуры, окруженная армией разнокамерных кранов, лишь отдавало напониала Галину 5-ю ГЭС.

Но Гаял не успела как следует соскучиться по родному городу, как новые впечатления нахлынули на нее. Когда по утрам, пробежав тропинкой среди зыбнелогого бора, она входила в ворота ГРЭС, принимавшая за свои чертежи, участвовала в деловых разговорах, ей все больше начинало казаться, что Назаровская ГРЭС удалена от Ленинграда, подобно 5-й ГЭС, давшей на расстоянии длинного трамвайного маршрута. Вокруг себя она видела немало ленинградцев, а главное — работать приходилось все время с ленинградскими машинами и приборами, и названия ленинградских заводов — «Электросила», «Электропульт», «Электроаппарат» — то и дело мелькала в разговорах и служебных записках.

Как говорил Гале полновластный владыка всех назаровских приборов, молодой начальник цеха автоматизации Алексей Шучу, работавший с электродуэктскими цитами — одно услаждение. «Они не только смонтированы грамотно и добросовестно, они смонтированы красиво», — объяснял Алексей.

Слушая эти разговоры, Гаял была рада тем, что она ленинградка, что и на ее труде лежит печать ленинградской прописки.

Но ленинградскую прописку в паспорте Гале Михайлову недавно все же пришлось сменить на назаровскую. Гаял вышла замуж за Алексея Шучу, и ее дом теперь не в поселке 5-й ГЭС, а в поселке Бор. Но разве перестала она быть ленинградкой? Конечно, нет.

При испытании нового самолета не берут на борт пассажиров. Когда испытывают новое оружие, стреляют по фанерным мишеням. Другое дело — новая электростанция. Выработавшую при испытании энергию нельзя выпустить в пространство. Ее должен получить потребитель.

На протяжении семидесяти шести часов первого испытания назаровский ток, поступающий на Ачинскую подстанцию, питал целый участок Восточно-Сибирской железной дороги. Железные дороги в ближайшее время будут оставаться основным потребителем назаровского тока. Но не только железная дорога. Поступая в Красноярскую и частично в Кемеровскую энергетические системы, ток Назаровской ГРЭС станет мощным подспорьем для развивающейся сибирской промышленности, позволит успешно строить Красноярскую ГЭС.

Повсюду, где бы мы ни ездили, пересекая Назаровский район строятся линии электропередачи. На них еще не подвешены провода, но ясно видятся сибирякам уже сейчас те линии высокого трудового напряжения, которые связывают их со всей страной и в первую очередь с цехами ленинградских заводов, лабораториями институтов.

Вечерами жители поселка Бор любят собираться возле платины, перегородившей старый Чулым. Особенно хорошо видна электростанция — массивный бетонный корпус с башней и двумя турбинами. Видно ошода и то, что строительная площадка в несколько раз больше, чем площадь готовой части здания.

Можно подолгу смотреть на

изумруду воды Чулыма, с ревом срывающуюся вниз по бетонному переднему платину. Полуметровая толща несущейся воды делает ее отропней и ярче начерченные огнем слова: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Гаял Михайлова сменяла ленинградскую прописку, она вышла замуж за Алексея Шучу.

Ревет, беспустея Чулым, но, покрывая шум падающей воды, доносится с другого берега голос московского лектора, читающего проект 13-й Программы партии: «...Электрификация, являющаяся стержнем строительства экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в обеспечении всего современного технического прогресса. Поэтому необходимо обеспечить опережающие темпы производства электроэнергии».

Эти темпы вместе со своими старшими и младшими братьями обеспечит назаровский ток, создаваемый вдовольным трудом ленинградцев, сибиряков, всей страны.

Один из наладчиков нового генератора инженер-теплотехник Евгений Зай.

Андрей Коробков не умел управлять автомобилем, но это его не заботило. И подумал он об этом сейчас с завистью лишь только потому, что увидел за опушенным шлагбаумом стоявший на шоссе «Москвичик». А в нем — ладно; голова женщины лежала на плече мужчины... Шлагбаум промелькнул и остался позади, но Андрею показалось, что «Красная стрела» тащится невыносимо медленно и эти последние пятьдесят километров, которые он отсчитывает, стоя в тачке, никогда не кончатся.

Наконец поезд вползает под стеклянную крышу. Андрей потеснил проводника, соскочил на платформу и скорым шагом вышел на привокзальную площадь.

Ускоряясь в «Волгу», он первым делом нетерпеливо спросил:

— Ну, как там у нас, как жизнь?.. Как дела в планеводе отделе?

В планеводе? А какие у них дела — планируют чего-нибудь, наверно. Я-то почему знаю, Андрей Николаевич?

Андрей кашлянул. Помолчал, посмотрел на несущиеся мимо дома.

— Ты зачем беспристыжно, Вася? Что я, сам не добрался бы? И вообще, как ты узнал, что я приезжаю?

— Ваша мамаша звонила. А какое для меня беспокойство? Моя работа такая, чтобы вы лешком не ходили.

— Ладно. Вот, закуривай. Таюм любимые, «Краснопресненские». Бери всю папку.

— Да чего вы мне даёте, Андрей Николаевич? Это же дуди.

— А, черт!..—Андрей поспешно убрал коробочку в карман и вынул сигарету.

— Да он упилился, скоро выпил чай и, уже надевая пальто, словно бы между прочим, спросил у матери:

— С работы никто не звонил?

— С работы — нет. От Петра Петровича вчера звонили. Секретарша. Спрашивала, когда ты из командировки вернешься. Я сказала.

— От Петра Петровича!..

С лестницы Андрей спускался уже не так быстро, как бежал по ней. Баса плывало трюном «Волги», и снова поллила настрену утренний город, освещенный неярким сентябрьским солнцем.

Многое в жизни Андрея Коробкова было связано с Петром Петровичем, хотя астронавтика они считанные разы. Впервые Андрей увидел его, когда поступил учеником на Металлический завод. Петр Петрович зашел в контору мастера кузнечного цеха и долго спорил там из-за каких-то чертежей. Мастер горячился, кричал, ругался, а Петр Петрович говорил спокойно: «Да вы попробуйте, попробуйте все-таки. Ведь не зря же ребята головы ломали. А что чертежи не слишком грамотны, так это не беда, главное — мы знаем его тогда, что Петр Петрович не застрянет это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Послушай-ка, ты чего это летишь? Год в кузнечном, год в слесарях, а теперь в токари поддался. В чем дело?

Андрей ответил, что хочет стать инструментальщиком. А для этого, мастера говорят, еще превзойти надо. Петр Петрович тогда ничего не сказал. Встретились снова они лишь тогда, когда Петр Петрович не застрял это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Ну, вот что, парень. Советую тебе податься в технологический, на заводный. Будешь работать и учиться. Ты бывший кузнец, должен выдвигаться.

А еще через сколько-то лет состоялся такой разговор:

— Поминишь мастера кузнечного цеха, с которого ты когда-то ушел из-за чертежей? Он уходит на пенсию. Хочет, чтобы ты вместо него поребатель. А еще он говорит, что даст рекомендацию в партию.

— Мне!

— Ну, да, тебе. Ты что же, до седых волос в комсомоле ходить собрался? Вторую рекомендацию я дам.

— Да, черт!..—Андрей поспешно убрал коробочку в карман и вынул сигарету.

— Да он упилился, скоро выпил чай и, уже надевая пальто, словно бы между прочим, спросил у матери:

— С работы никто не звонил?

— С работы — нет. От Петра Петровича вчера звонили. Секретарша. Спрашивала, когда ты из командировки вернешься. Я сказала.

— От Петра Петровича!..

С лестницы Андрей спускался уже не так быстро, как бежал по ней. Баса плывало трюном «Волги», и снова поллила настрену утренний город, освещенный неярким сентябрьским солнцем.

Многое в жизни Андрея Коробкова было связано с Петром Петровичем, хотя астронавтика они считанные разы. Впервые Андрей увидел его, когда поступил учеником на Металлический завод. Петр Петрович зашел в контору мастера кузнечного цеха и долго спорил там из-за каких-то чертежей. Мастер горячился, кричал, ругался, а Петр Петрович говорил спокойно: «Да вы попробуйте, попробуйте все-таки. Ведь не зря же ребята головы ломали. А что чертежи не слишком грамотны, так это не беда, главное — мы знаем его тогда, что Петр Петрович не застрянет это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Послушай-ка, ты чего это летишь? Год в кузнечном, год в слесарях, а теперь в токари поддался. В чем дело?

Андрей ответил, что хочет стать инструментальщиком. А для этого, мастера говорят, еще превзойти надо. Петр Петрович тогда ничего не сказал. Встретились снова они лишь тогда, когда Петр Петрович не застрял это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Ну, вот что, парень. Советую тебе податься в технологический, на заводный. Будешь работать и учиться. Ты бывший кузнец, должен выдвигаться.

А еще через сколько-то лет состоялся такой разговор:

— Поминишь мастера кузнечного цеха, с которого ты когда-то ушел из-за чертежей? Он уходит на пенсию. Хочет, чтобы ты вместо него поребатель. А еще он говорит, что даст рекомендацию в партию.

— Мне!

— Ну, да, тебе. Ты что же, до седых волос в комсомоле ходить собрался? Вторую рекомендацию я дам.

Кандидатскую карточку Андрей получил в кабинете секретаря райкома из рук того же Петра Петровича.

— Поздравляю, Андрей Николаевич. Растем.

— Растем, Петр Петрович.

А впоследствии встреча произошла год назад. На этот раз Петр Петрович рассказал об одной автобазе, которая «хромает на все четыре колеса». И ремонт машин и перевозки — все там юм на высоте.

— Вот мы здесь подумали и решили рекомендовать тебя.

— Меня? Да вы что, Петр Петрович! Я и ездить-то даже не умею.

— А зачем тебе уметь? Там смыслот шоферов, пусть они и ездят.

— А если не выдюжу? Ведь я не автомобилист.

— Ты бывший кузнец. Должен выдюжить!..

— Андрей Николаевич, приехали.

Андрей вздохнул и огляделся. «Волга» стояла в переулке у знакомых ворот с транспарантом «Бережись, автомобиль». За воротами виднелся усыпанный яркими осенними цветами газон, за ним белел домик, контора автобазы. Там, с краю, окно — плановый отдел... На скамейке возле проходной сидели вахтер Самсонов и старший диспетчер. По тому, как диспетчер бездумно пытался пынуть, Андрей понял: утренний выпуск машин прошел нормально.

Оба они — пожилые люди — встали и поздоровались с Андреем.

— На линию вышли все машины. Остались только те, что в предупредительном ремонте, — доложил диспетчер. — В общем, в плане никаких ЧП, Андрей Николаевич.

— Было ЧП, — возмущено сказал Самсонов. — Вера Гришнха, шофер бензовоза, сорвала шест цветов с газона и в кузовной чех нес Маруську Воронойну. Думал, я не замечу. Я на него рапорт в завком напишу.

Андрей с улыбкой отмахнулся. Пожимая руку диспетчеру, пообещал:

— Итак, Вадим Сергеевич, скоро у нас еще тридцать машин будет.

— Давно пора. Заказчики требуют, ругаются.

— Да будут, говорю вам. Я, правда, в Горном не дождался отгузника, в Москву уехал, там на неделю застрял. Но автозаводцы твердо обещали: отправим сразу же.

Диспетчер переглянулся с вахтером, оба усмехнулись. Андреев это никогда не покоробило. Он пошел прочь от проходной, обогнул угол дома и удивленно остановился.

В глубине асфальтированного двора, у глухого забора, выстроилась, как на параде, шеренга грузовиков: чаро выделялся рифленый рисунок протекторов новой резины, белесый на солнце стекла фар и кабин, смежая заводскую окраску. У машин возвылись слесари — укрепили номерные жестянки, малай отшлифовали кистью черное граффити номера на борту.

Андрей обернулся. Диспетчер стоял сзади и вояло пылтых трубой.

— Вера еще прибыла. Как часы. Извините... Андрей всемо рассмеялся. Безобидный розыгрыш — обычное дело у автомобилистов.

— Где вы взяли шоферов переждать машины, Вадим Сергеевич?

— Новиков организовал. Повесил у меня в диспетчерской объявление: мол, так и так, на Товарной стоят новые грузовики, задерживают платформы, нельзя — платить придется. Дескать, кто желает помочь? Ну, шоферы с дневной смены, когда явились сдавать путевки, ясно, откликнулись. Новиков завел старый автобус и сам же отвел ребят на Товарную...

Обычно, являясь по утрам на работу, Андрей начинал день с обхода мастерских. Это вошло у него в привычку еще с того времени, когда год назад он в сопровождении главного инженера и начальника колонии, порядком смущенный, впервые шел по этому двору знакомиться с новым, огромным хозяйством. Вокруг автомобилей, автомобилей, автомобилей — попура-зобранные, на деревянных козлах, на докарах, непонятные операции, незаконные детали, запасные части... Но вот кузнца. Здоровенный дядька загипет ушки на коренных ресурсных листах. На соседней наковальне двое парней обкатывают длинные кузовные болты.

Пылают горы, звон и грохот наполняют помещение, но этот шум для Андрея как музыка. Он кинул кузнца, пожал его угольную лапу, будто старому знакомому.

— Ну, как работает?

— А что работает! Помаях са, тогда знаешь, — беззлобно ответил кузнец.

И Андрей снял пиджак, взяв у дядьки кузнца, кинул подручному: тащи, мол, заготови. Звонела сталь, брызгала искрами, огненным жар обдавал сразу замощенное лицо. Куда девались институтская зубровка, кабинет начальника цеха, заседания, совещания? Слово ничего этого никогда не было, словно всегда стоял здесь Андрей и выбивал искры из металла.

А ну-ка, пусть, дай я постучу с ним на парку. — Кузнец отнесил подручного, став к на-

Андрей Коробков не умел управлять автомобилем, но это его не заботило. И подумал он об этом сейчас с завистью лишь только потому, что увидел за опушенным шлагбаумом стоявший на шоссе «Москвичик». А в нем — ладно; голова женщины лежала на плече мужчины... Шлагбаум промелькнул и остался позади, но Андрею показалось, что «Красная стрела» тащится невыносимо медленно и эти последние пятьдесят километров, которые он отсчитывает, стоя в тачке, никогда не кончатся.

ДЕНЬ АНДРЕЯ КОРОБКОВА

Андрей Коробков не умел управлять автомобилем, но это его не заботило. И подумал он об этом сейчас с завистью лишь только потому, что увидел за опушенным шлагбаумом стоявший на шоссе «Москвичик». А в нем — ладно; голова женщины лежала на плече мужчины... Шлагбаум промелькнул и остался позади, но Андрею показалось, что «Красная стрела» тащится невыносимо медленно и эти последние пятьдесят километров, которые он отсчитывает, стоя в тачке, никогда не кончатся.

Наконец поезд вползает под стеклянную крышу. Андрей потеснил проводника, соскочил на платформу и скорым шагом вышел на привокзальную площадь.

Ускоряясь в «Волгу», он первым делом нетерпеливо спросил:

— Ну, как там у нас, как жизнь?.. Как дела в планеводе отделе?

В планеводе? А какие у них дела — планируют чего-нибудь, наверно. Я-то почему знаю, Андрей Николаевич?

Андрей кашлянул. Помолчал, посмотрел на несущиеся мимо дома.

— Ты зачем беспристыжно, Вася? Что я, сам не добрался бы? И вообще, как ты узнал, что я приезжаю?

— Ваша мамаша звонила. А какое для меня беспокойство? Моя работа такая, чтобы вы лешком не ходили.

— Ладно. Вот, закуривай. Таюм любимые, «Краснопресненские». Бери всю папку.

— Да чего вы мне даёте, Андрей Николаевич? Это же дуди.

— А, черт!..—Андрей поспешно убрал коробочку в карман и вынул сигарету.

— Да он упилился, скоро выпил чай и, уже надевая пальто, словно бы между прочим, спросил у матери:

— С работы никто не звонил?

— С работы — нет. От Петра Петровича вчера звонили. Секретарша. Спрашивала, когда ты из командировки вернешься. Я сказала.

— От Петра Петровича!..

С лестницы Андрей спускался уже не так быстро, как бежал по ней. Баса плывало трюном «Волги», и снова поллила настрену утренний город, освещенный неярким сентябрьским солнцем.

Многое в жизни Андрея Коробкова было связано с Петром Петровичем, хотя астронавтика они считанные разы. Впервые Андрей увидел его, когда поступил учеником на Металлический завод. Петр Петрович зашел в контору мастера кузнечного цеха и долго спорил там из-за каких-то чертежей. Мастер горячился, кричал, ругался, а Петр Петрович говорил спокойно: «Да вы попробуйте, попробуйте все-таки. Ведь не зря же ребята головы ломали. А что чертежи не слишком грамотны, так это не беда, главное — мы знаем его тогда, что Петр Петрович не застрянет это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Послушай-ка, ты чего это летишь? Год в кузнечном, год в слесарях, а теперь в токари поддался. В чем дело?

Андрей ответил, что хочет стать инструментальщиком. А для этого, мастера говорят, еще превзойти надо. Петр Петрович тогда ничего не сказал. Встретились снова они лишь тогда, когда Петр Петрович не застрял это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Ну, вот что, парень. Советую тебе податься в технологический, на заводный. Будешь работать и учиться. Ты бывший кузнец, должен выдвигаться.

А еще через сколько-то лет состоялся такой разговор:

— Поминишь мастера кузнечного цеха, с которого ты когда-то ушел из-за чертежей? Он уходит на пенсию. Хочет, чтобы ты вместо него поребатель. А еще он говорит, что даст рекомендацию в партию.

— Мне!

— Ну, да, тебе. Ты что же, до седых волос в комсомоле ходить собрался? Вторую рекомендацию я дам.

— Да, черт!..—Андрей поспешно убрал коробочку в карман и вынул сигарету.

— Да он упилился, скоро выпил чай и, уже надевая пальто, словно бы между прочим, спросил у матери:

— С работы никто не звонил?

— С работы — нет. От Петра Петровича вчера звонили. Секретарша. Спрашивала, когда ты из командировки вернешься. Я сказала.

— От Петра Петровича!..

С лестницы Андрей спускался уже не так быстро, как бежал по ней. Баса плывало трюном «Волги», и снова поллила настрену утренний город, освещенный неярким сентябрьским солнцем.

Многое в жизни Андрея Коробкова было связано с Петром Петровичем, хотя астронавтика они считанные разы. Впервые Андрей увидел его, когда поступил учеником на Металлический завод. Петр Петрович зашел в контору мастера кузнечного цеха и долго спорил там из-за каких-то чертежей. Мастер горячился, кричал, ругался, а Петр Петрович говорил спокойно: «Да вы попробуйте, попробуйте все-таки. Ведь не зря же ребята головы ломали. А что чертежи не слишком грамотны, так это не беда, главное — мы знаем его тогда, что Петр Петрович не застрянет это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Послушай-ка, ты чего это летишь? Год в кузнечном, год в слесарях, а теперь в токари поддался. В чем дело?

Андрей ответил, что хочет стать инструментальщиком. А для этого, мастера говорят, еще превзойти надо. Петр Петрович тогда ничего не сказал. Встретились снова они лишь тогда, когда Петр Петрович не застрял это тогда: с чего бы ему обращать внимание на какого-то чужацкого кузнечника, заскочившего в контору подписать наряд? Но это оказалось не так. Много времени спустя, когда Андрей был самостоятельно работавшим техником-станком, Петр Петрович впервые заговорил с ним:

— Ну, вот что, парень. Советую тебе податься в технологический, на заводный. Будешь работать и учиться. Ты бывший кузнец, должен выдвигаться.

А еще через сколько-то лет состоялся такой разговор:

— Поминишь мастера кузнечного цеха, с которого ты когда-то ушел из-за чертежей? Он уходит на пенсию. Хочет, чтобы ты вместо него поребатель. А еще он говорит, что даст рекомендацию в партию.

ковалье, в его хитрых глазах и в огромных ругачих азарт. Он подгоняет, поджимает Андрей.

— А ну, надавай, надавай еще, поворачивайся, чтоб не отстался!

Андрей стиснул зубы, напрягся—все-таки девственно не играл кувадой.

Потом они оба вытирали вспотевшие лица, по очереди пили воду из кружки, и теперь уже кузнец пожал руку Андрею.

— Будем знакомы. Моя фамилия Ников. Главный инженер и начальник колонии уже не удивлялись, когда в следующем, механическом цехе Андрей встал к станку и добросовестно расточил баббитовой подшпильки. Так он прошел по мастерским, а впереди уже бежал веселый слухок, и рабочие встречали его, как оркестры джазов, который играет игрой на всех инструментах. А когда Андрей наконец добрался до директорского кабинета, душевного смятения как не было. Он твердо сел в кресло и спокойно положил тяжелые перепачканные руки на письменный стол.

Впоследствии Никовым ему говорил: «Вот и всегда обходи по утрам цеха. Не пожалевши», товарищ Коробков». Так Андрей и делал. Но сегодня он не пошел на обычный обход. Оставив диспетчера во дворе, он направился напрямик в отдел кадров.

Здравствуйте, Леонтий Федорович. Новые машины видели?

— С приездом, Андрей Николаевич. Ясно, видел. Хороши!

— Тем более стоять им нечего. Где шоферы? Да вот я как раз составляю объявление на радио.

— А раньше где вы были? Разве не знали, что машины придут?

— Знал. И Валентина Александровна знала. Это она запретила организацию курсов. Говорит, расходы не предусмотрены планом. Она сказала, что...

Но что сказала Валентина Александровна, Андрей не дослушал: он уже был в коридоре. Однако перед дверью с табличкой «Плановый отдел» задержался, порывшись секунду-другую и пошел к себе в кабинет. Там, прежде чем снять телефонную трубку, он постоял у окна, посмотрел на газон, усыпанный сиренево-желтыми надутиями; казалась, через открытую форточку сюда доносился их сильный, нежный запах.

— Дайте плановый. Будьте добры, Валентина Александровна... А куда, не знает. Ну, хорошо. Когда вернется, попросите сразу же звать ко мне.

Он сел и посмотрел на свои руки. Вот точно так же они лежали тогда, год назад, на этом письменном столе—натурные и грязные. И первое, что сделала начальник планового отдела Валентина Александровна Барина, — принесла мыло и полотенце, вывела Андрея в коридор и показала, где ему помыть руки. У самой у нее руки были неровные, с коленами, намянутовыми ногтями; цвет их напоминал надутии, которые тогда так же цвели на газоне за окном. Как-то странно было видеть на том совещании среди в общем-то пожилых начальников отделов, техников и механиков эту типичную фигуру со взбитой продольной колкой волос на голове, в короткой узкой юбке и остроносых туфлях с прямо-таки трехдюймовыми гвоздиками-каблуками. А губы у нее были какого-то, черт его знает почему, лилового цвета. «И зачем она так!», — подумал тогда с досадой Андрей. — И какой же из нее начальник отдела?

Но тут он ошибся. Валентина Александровна железно, как говорят шоферы, знала свое дело. В этом Андрей очень скоро убедился. Спорить с ней было бесполезно: она — всегда, в конце концов, оказывалась права и не однажды вырвала Андрея, который был неискушен в вопросах эксплуатационной экономики. Но все эти уялетики, прозрачные перчатки и блузки, нейлоновые косынки и яркие сумки чем-то настораживали Андрея, вызвали в нем инстинктивный протест, делали излишне сдержанным в отношениях с Валентиной Александровной. Он начал приглядываться, как к ней относятся другие, и неожиданно убедился, что в парке она была совсем иначе. Както в обденный перерыв, проходя по коридору мимо приоткрытой двери планового отдела, он уви-

дел там Марусю Воронову, обобщившую из кузовного цеха, и услышал: «Когда же вы научите меня укладывать «баббиту»? Ну, Валентина Александровна, вы же обещали!» А в другой раз он приметил начальнику планового отдела во дворе среди шоферов. Она сидела на подножке грузовика на услужливо подстеленной коже и что-то рассказывала. Андрей почему-то не решился тогда подойти поближе.

Однажды, когда Валентина Александровна втолковывала ему насчет недопустимости перерасхода горючего, норм на смазочные и еще чего-то, на чем он никак не мог сосредоточиться, Андрей не удержался и спросил:

— Почему вы красите губы в лиловый цвет?

— Но ведь это модно. А что, разве некрасиво, Андрей Николаевич?

И самым удивительным было то, что Андрею начало казаться, что лиловатым оттенком—то, пожалуй, красиво. А неделю спустя он уже был абсолютно уверен: да, красиво. Он даже купил как-то такую помаду. Месяц протаскал ее в кармане и в конце концов отдал матери.

Мать сказала:

— Ты ошибся адресом, Андрюша.

Он промолчал. А мать сказала:

— Наконеч-то... Какая она хоть из себя?

— Бывает, мама, что я ошибаюсь адресом.

Мать сказала:

— Вот как? Да... А я и не знала, что ты такой нерешительный...

«Нерешительный...» Андрей побарабанил по столу пальцами и опять посмотрел в окно на газон с надутиями. Дверь кабинета приоткрылась.

— Можно? С приездом, Андрей Николаевич. Вы меня просили зайти?

— Да, просил. А вы не догадываетесь, зачем?

— Ну, прежде всего полагаю, чтобы поздравиться. Можно мне сесть?

— Да, конечно... Извините. Здравствуйте, Валентина Александровна, и скажите, почему вы запретили организацию курсов.

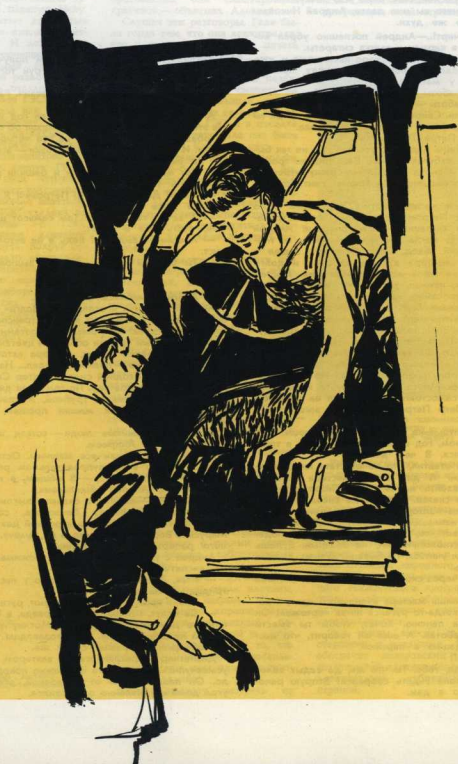
— Потому что это нерентабельно.

— А что теперь будет стоить тридцать грузовиков, это, по-вашему, рентабельно?

— Но мы приняли меры...

— Знаю ваши меры — раздражались, перебил Андрей.— Объявление на радио. Дудки! Так к вам и прибегут сейчас шоферы...

— Но поймите, Андрей Николаевич, курсы — это зарплата преподавателей, стипендия курсантам, дополнительное оборудование учебных машин, классов, амортизация, налоговые отчисления, а все вместе — мороза. Зачем она нам, когда есть специальные учреждения, которые готовят водителей? Например, учебный комбинат «Транскадри». Мы просто заключили с ними договор и перевели деньги. Валентина Александровна неторопливо поправила на голове шляпку, похожую на опро-

минуту печной горшок, сняла с плеча квадратную красную сумку, отворнула крышку.

— Я только что оттуда. Послезавтра шестьдесят человек направляются к нам. Вот подтверждение.

Андрей смотрел на положенную перед ним бумагу, то на Валентину Александровну. Та спокойно сидела в кресле, закинув ногу на ногу. Андрей смутился, опустил глаза и забарабанил пальцами по столу.

— А знаете, Андрей Николаевич, вы сильно загорели. В Горьком была хорошая погода, да?

— Валентина Александровна... Черт, его знает, а зря расшумелся! Я был неправ, решительно признаю...

— Она качнула остроносой туфлей.

— Вот как! Да... А я и не знала, что вы такой решительный.

У Андрея стало жарко где-то возле ушей. Он пошел в карман, нащупал твердую коробочку. Пальцы сразу обмякли, рука сделалась тяжелой, непослушной. Вероятно, его ушибла была достаточно жалкой и глупой, когда он сказал:

— Решительный? Нет... Я давно... Я...

Она сняла ногу с ноги, влезла за ручки кресла и вся так и подалась вперед.

Зазвонил телефон.

Презирая себя, Андрей поспешно схватился за трубку.

— Да, я... Кто будет говорить?... Хорошо, я слушаю...

Валентина Александровна уже стояла, закинув на плечо ремень сумки. Прежде чем закрыть за собой дверь, она оглянулась. Андрей так и не поднял голову.

— Да, я слушаю вас. Здравствуйте, Петр Петрович... Спасибо, поманю... Да, прибыли. Вот они стоят у меня за окном, тридцать штук... Что? Так ведь шоферов еще нет. Через два дня—пожалуйста, а сейчас—никан... Сгинуть! Они бегут на цепьнику на строительств гидростанций, новых городов. Нет, мне не выйдешь... Что? Былши кузнец? Опять вы, Петр Петрович... Ну, я постараюсь, только твердо обещать не могу... Хорошо, через два часа позвоню.

Андрей дал отбой и снова снял трубку. В дверь протиснулась здоровенная фигура Новикова.

— А я как раз хотел тебе звонить. Здравствуй, Андрей.

— Здравствуй, Коробков. Ну, как съездишь?

— Об этом потом. Понимаешь, на Большую Товарную прибыли два шезлона с овощами. Внелпавшие, подарок нашему городу в честь съезда из Белогорска. Надо срочно вывозить, сгинет. Все гаражи подконтрольны, а нас тридцать грузовиков без водителей стоят. Как быть, партгор?

Новиков присел на край кресла и принялся раскуривать трубку. Андрей ходил из угла в угол.

— Можете, дождитесь конца дневной смены, уговорить ребят поработать на новых грузовиках?

Новиков молча курил, приминяя табак большим, какими промиславным пальцем. Андрей все ходил по кабинету.

— Впрочем, так им же с утра оплод садиться за руль. Это аварию повторять... Ну, что же ты молчишь? Да так, кажется, все же мне и слышавше?

Новиков медленно разогнал ладонью окутавшее его облако табачного дыма.

— Молодость в свою историю, Коробков. Эх, черт... Он выколотила трубку в тепленьку и встал.—Надо устроить парторбание.

— Собрание? Сейчас!

— Ну да. Открытое...

Андрей резко остановился.

— Там овощи гниют, а мы тут будем заседать?

— Ничего, устроим собрание прямо во дворе. Там сидеть не на чем...

Однако сидеть все же нашлось на чем. Люди устроились на подножках новых грузовиков, на бамперах, а кто помоложе—залезли в кузовы. Каждый оказавшийся во дворе подходил послушать, а после того, как вахтер Самсонич провозил железзю по куску подвешенного к столбу рельса—обеденный пе-

рерия,—вокруг Андрея и Новикова собралась порядочная толпа.

— Тише, товарищи!—Новиков достал из кармана потерявший бумажник и застучал им по крылу грузовика.—Тише! Суть дела я вам изложу. Меня поймут в первую очередь старые дружки, с которыми мы четверть века назад крутили баранки в этом же парке. Вот стоит наш старший диспетчер Вадим Сергеевич. А помнит ли он, как однажды на Пискаревке заехал с грузом кирпича в канаву и я его на буксире вытаскивал? А вот завсезажем товарищ Корнеев. Теперь у него борода лопатой, и каждый год ему путевку в Магистр подавай—ревматизм. А ведь когда-то был Корнеевым налимиком шофером, инкто быстрее его в нашем парке не гонял, инкто больше его штрафом милиции не платил. Эх, молодость... Одним словом, многие из вас, прежде чем стать заводскими, механиками и другими важными птицами, крутили эту самую баранку, и у каждого есть такая книжечка.—Новиков достал из бумажника шоферские права и внушительно потряс ими.—Лично я горжусь—это моя молодость. А в нашей трудовой и трудной молодости были и такие общеизвестные факты, когда на дверях писали: «Райком закрыт. Все ушли на фронт». Вот и я закрываю парком, сежусь на этот грузовик и еду спасать овощи. У меня все. Кто хочет слово? Ты, Вадим! Давай.

— Вот здравствуйте!—сказал старший диспетчер.

— Я сам себе выпущу путевку.

— И мне вышлти!

— И мне!

— И нам...

— Собрание считаю закрытым,—сказал Новиков.

Андрей смотрел на окружающих его людей и думал о том, что он их совсем не знает. Степенный пожилой инструментальщик Прохоров, который, казалось, никогда лишнего слова не скажет, лишний шаг не сделает, теперь пинал сапогами колеса грузовника, проверяя давление в шинках, и выкрикивал: «Эх, синен аппарат! Эх, синен...» Глаза его по-мальчишески блестели. Из кабины другого грузовика торчала борода снабженца Корнеева, он уже програвал мотор. «Эй, смазочка сидела!»—грозо кричал заведарман Леонтий Федорович, потрясая мысленным шумом. Кто-то свистел в адрес, кто-то возмизал под кузовом, ошумывая тормозные валшки; куда-то неслись возгласы, шутки, раздавался звон инструмента, визгиз стартеров.

Андрей Николаевич, можно, а тоже возмизу грузовик? Вы уж как-нибудь сегодня пешком походите.

— Ну, конечно, Вася. Конечно...—поспешно сказал Андрей. Дорого он дал бы сейчас за то, чтобы умел управлять автомобилем!

Машины одна за другой, фыркая моторами,

уходили в широко раскрытые ворота. Вахтер Самсонич, тоже наваявтику, как милиционер-регуляторщик, взманивал рукой, провозжа шоферов. И вот наступила тишина, лишь из открытий окон столовой доносились брачные посуди. Двор опустел. На нем остались только директор базы и один-единственный, последний грузовик, на который, видно, так и не нашлось водителя.

Андрей криво усмехнулся, сел на подножку и, сдвинув на лоб пенку, принялся скрести за шилом.

— Дайте же мне пройти, Андрей Николаевич.

Он поднял голову. Рядом стояла Валентина Александровна.

«Чего это она будто ростом понижке стала?»—подумал Андрей и сразу понял: вместо туфель с трехдюймовым каблукон у нее на ногах обыкновенные тапки.

Чья-то кожаная тулужка была наброшена на плечи начальника планового отдела, а в руке она держала листок бумаги—путевку шофера.

— Ну дайте же мне открыть дверку.

Андрей встал с подножки.

— Вы... Вы можете управлять этим автомобилем!

Почему эти! Любим. До института я работала здесь же, в парке, шофером.

Валентина Александровна села в кабину, запустила мотор, поправила на плечах кожанку и положила на руль тонкие пальцы с острыми намятикореными ногтиками. Ее чистая белая рука прильнула к уровню лица Андрея. Неожиданно для себя он схватил эту руку, крепко сжал ее.

— Вот! Вот... Он выхватил из кармана коробочку—была еще помалод! Но я не могу... Эх, черт! Что я говорю, вы не поймете...

Но она, видно, поняла, потому что вздохнула глубоко-глубоко.

— Наконце-то.

— Валентина Александровна! Вала...

— Осторожно, милый...

Взвиз на больших оборотах двигатель, хлопнула закрытая на ходу дверка, и Андрей остался один.

Он глядел вслед грузовнику, пока тот не скрылся за воротами. Потом подошел к газону и сорвал несколько настурций. На другом конце двора вахтер Самсонич поспешно отворился.

В опустевшем плановом отделе Андрей разложил шляпку, похожую на печной горшок, положил в нее духи и цветы. Потом ты же набрал номер и, услышав знакомый голос, закричал в телефонную трубу:

— Выдложи... Выдложили мы, Петр Петрович...

Х

лорелла собирается в космос? Ну что ж, это любопытно, скажете вы, но прежде всего, кто или что это за хлорелла?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мне хотелось бы напомнить о споре, который идет между учеными, занимающимися вопросами полета человека в космос.

Среди множества различных задач, стоявших перед специалистами, была и такая: как обеспечить в герметической кабине космонавта свежий воздух? «Баллоны с кислородом» — вот ключ к решению вопроса», — утверждали одни.

«Баллоны хороши только на первый случай», — возражали другие, — пока полет человека сравнительно непродолжителен. А что потом? Сколько же понадобится этих громоздких баллонов и кондиционных установок, чтобы обеспе-

чить нормальный воздух человеку в течение многих дней и даже недель межпланетного путешествия?

Как это часто бывает в жизни, выход из затруднительного положения был найден совершенно неожиданно. Его нашли... в болоте. Дело в том, что именно там обитает хлорелла, которая, оказывается, с успехом может разрешить этот спор.

Итак, вернемся к хлорелле.

Я уверен, что вы с ней знакомы. Ведь все не раз видели «позеленевшие пруды и водоемы». А раз так, то, значит, вы видели и хлореллу.

Впрочем, употреблять глагол «видеть» по отношению к хлорелле, может быть, слишком смело. Воды если вы попытаетесь выловить ее из пруда, то в руке у вас окажется лишь мутная зеленоватая жидкость. Дело в том, что хлорелла — это мельчайшая клетка,

микроскопическая зеленая водоросль. Неворуженным глазом ее не увидишь. Для этого необходим микроскоп. Биологи подсчитали, что только в одном кубическом сантиметре воды содержится несколько десятков миллионов хлорелл!

Чем же примечательна хлорелла?

Уже несколько лет биологи приглядываются к одноклеточным водорослям. Интерес к ним объясняется целым рядом любопытных особенностей этих организмов. Оказывается, массовое их культивирование открывает новый путь эффективного использования чистой и в первую очередь солнечной энергии. Хлорелла, например, выращенная даже в обычной среде, содержит пятьдесят процентов белка, двадцать процентов углеводов и жиров.

Трудно переоценить свойства хлореллы. Витамина С, например,

в ней столько же, сколько и в лимоне, а белков вдвое больше, чем у бобовых. Следует сказать и о других качествах этой крошечной одноклеточной жительницы наших водоемов.

В отличие от высших растений, которые, как известно, отдают полученную солнечную энергию лишь частично, так как значительная ее часть идет на образование стеблей и корней, хлорелла усваивает энергию солнца всей своей поверхностью и отдает с огромной эффективностью. Поглощая углекислый газ, она способна выделять такое количество кислорода, которое почти в 200 раз превышает ее собственный объем. Если учесть при этом быстроту размножения хлореллы в воде — свыше 30 тонн с гектара водной поверхности, — можно легко представить, какие огромные «урожаи» может обеспечить этот чудесный одноклеточный организм. К тому

Фото В. ЛЮБОНА.

Студентка IV курса
Рената Погорелова
берет пробу водоросли.
Вот она, хлорелла!

В. В. ПИНЕВИЧ
Кандидат биологических наук

Хлорелла

СОБИРАЕТСЯ В КОСМОС

Студентка VI курса вечернего отделения биологического факультета Ирина Меницкая производит засев хлореллы в лабораторной установке.

же хлорелла легко переносит изменение давлений и ускорений. Теперь становится понятным, почему хлорелла оказалась «претенденткой» на участие в космических полетах. Использование одноклеточных водорослей открывает здесь заманчивые перспективы. Во-первых, в процессе фотосинтеза зеленые водоросли будут поглощать выделяемую человеком углекислоту и непрерывно обогащать атмосферу кислородом. Во-вторых, специальные установки с хлореллой, очищая естественные отходы, будут регенерировать воду, а собирающиеся в отходах азотистые и минеральные вещества могут использоваться для культивирования водорослей. И, наконец, нельзя забывать, что ни один из районов не будет полноценным, если в него не включены свежие овощи и фрукты. Их космонавту с успехом заменит хлорелла.

В биологическом институте устроены небольшие продолговатые бассейны. В них бурлит густая, похожая на зеленые жи жидкости. Это выращивается хлорелла. Нащенный водорослями раствор насосы затем перекачивают в центрифугу. Здесь-то и образуется плотная темно-зеленая масса, напоминающая масло. После соответствующей «приправы» ее можно добавлять в пищу космонавта.

Однако хлорелла ценна не только во время длительных космических путешествий. Ее с успехом можно добавлять в корм животным, использовать для удобрения почвы, для очистки сточных и загрязненных вод.

Китайские ученые, например, установили, что сусуэньна водоросль служит хорошей добавкой при откорме свиней. Добавляя в день по полкилограмма такой сусуэньны в рацион 25-килограммовой свиньи, за 10 дней был получен привес четыре килограмма.

Сейчас интенсивные работы по культивированию одноклеточных водорослей в производственных условиях ведутся во многих странах.

В 1953 году фирмой А. Литль в Институте Карнеги (США) была испытана первая производственная установка для выращивания протококковых водорослей. В 1957 году в Японии, где массовому разведению водорослей уделяется особое внимание, был создан специальный научно-исследовательский институт. В Китайской Народной Республике вы-

ращивать водоросли как источник кормов стали все провинции. В провинции Шандун, например, из 43 сельскохозяйственных коммун в 42 построены бассейны для производства водорослей. В некоторых свиноводческих хозяйствах ежедневно получают до 30 тысяч килограммов сусуэньны. В сельскохозяйственных коммунах пригородов Пекина для откорма свиней имеется более тысячи водорослевых бассейнов.

В нашей стране пионером введения одноклеточных водорослей в широкую практику считается доктор биологических наук Н. С. Гаевская, которая с пятидесятих годов ведет работы по выращиванию их для рыбного хозяйства. Кроме того, проблемы культивирования водорослей успешно изучаются в ряде научных учреждений Советского Союза.

Ученых многих стран интересует сейчас вопрос: насколько широко можно внедрить водоросли в пищу человека? Здесь неизбежно возникают трудности, связанные с национальными традициями, привычками к определенному виду, вкусу, запаху еды. При добавлении порошка водорослей пища окрашивается в интенсивно-зеленый цвет и приобретает специфический запах и привкус. Многие народы Азии, которые издавна употребляют различные морские водоросли, легче привыкают к продуктам, содержащим хлореллу, чем жители европейского континента. Поэтому большое внимание уделяется обеспечению массы водорослей органическими растворителями. Полученные из хлореллы высокобелковые бесцветные продукты уже не имеют ни характерного запаха, ни вкуса и могут добавляться в пищу в высоких концентрациях.

В Японии и Китае порошок одноклеточных водорослей с успехом добавляют в супы, хлеб, лапшу, мороженое, печенье, конфеты. В Пекине и других городах Китая выпускают «зеленые» конфеты с хлореллой.

Проблемой получения хлореллы в промышленных условиях занимаются и советские биологи.

Нет сомнения, что успешное решение проблем массового культивирования водорослей увеличит кормовые и пищевые ресурсы на земле и позволит отпасть от взгляда на высшие растения как на единственный источник растительного сырья.

ММВ' СТАВЛЯТ РЕКОРД

Ассистентами были инженеры и ученые разных стран, чтобы выработать за пределы пресловутого «гютолла» многие годы существовавшего в промышленности чешских машин для переработки хлопка. Семь с половиной килограммов хлопковой ленты в час — и ни грамма больше... Нигде ни в Германии, ни в Швейцарии, ни в Англии — не удавалось перейти этот рубеж. На первых порах не могли дать больше и советские машины. Только в Великой Отечественной войны на ленинградском заводе удалось наконец сконструировать машину, которая давала на один килограмм ленты больше!

Это уже была победа. Точнее не прекращались. В 1948 году был изготовлен образец машины «ММВ-450», которая вырабатывала 12 килограммов! В 1958 году «ММВ-450» получила Большой приз Всемирной выставки в Брюсселе.

Но предстояло решить еще и другие проблемы. В прядильных цехах есть такая должность — уборщица-шуршавица. С иголкой на лице маской заезжает женщина в камеру, чтобы выгнать из машины пыль. Но разве можно было мириться с такими тяжелыми условиями труда!

А табакиты машин, их вес? Сколько можно было бы сэкономить металла, если бы выскобачились дополнительные площади, если бы удалось хоть на немного уменьшить акт Ну и, конечно, выработка. Двенадцатилетним килограммов предел. С каждым годом наряду требуется все больше тканей, одежды, и никак нельзя ограничиваться столь низким «потолком». Вот если бы добился шестнадцатилетних килограммов хлопковой ленты в час! Немало бессонных ночей провели над разрешением этих задач конструкторы и исследователи специальных

конструкторских бюро трикотажных машин и легкой промышленности. В течение ряда лет они упорно искали новые технологические параметры чешских машин. И результаты превзошли самые смелые прогнозы и ожидания: не 16, а 22 килограмма хлопковой ленты вырабатала новая чешская машина, разработавшая группой конструкторов З. Конгелевича. В создании машины вложили свой большой труд рабочие и мастера, техники и инженеры ленинградских предпринимательских фабрик «Веретено», «Возрождение».

«ММВ» — чешскую малогабаритную высокопроизводительную машину — изваяли желание приобрести несколько иностранных фирм. Идут же и советские текстильщики.

Изготовление первых образцов машин поручено ленинградскому заводу «Вулкан».

Б. ВАДИМОВ

«НЕСУЩИЙ ФАКЕЛ»

Его то памятник еще нет. Но он скоро будет. Его установят возле здания въезда в Ленинград, в районе новостроек — Автово, на Комсомольской площади — в сквере между проспектом Станке и улицей Жукенбаса. И откуда бы ни посмотрили на него, он отовсюду будет виден на фоне ясного, солнечного неба — стройный, легкий, словно взмывающий вверх, — памятник ленинградским комсомольцам.

Проект монумента недавно одобрен жюри конкурсов, объявленного областным комитетом ВЛКСМ, ленинградскими отделениями Союза архитекторов и Союза советских художников. Первый тур этого смотра проходил осенью 1959 года; тогда из шестидесяти работ была отобрана половина. На прилюдном, авторитетное шесть проектов премирновали. Их авторы были допущены к участию в последнем, третьем туре.

Заключительному заседанию жюри конкурсов предшествовала выставка проектов, представленных на третий тур. Целую неделю занимались с ними ленинградцы, собиравшие затем на широкое обсуждение. Наиболее интересным был признан проект под условным названием «Несущий факел».

Юношей, несущим людям факел — символ разума, света, дружбы, — представляют комсомолец скульпторы В. Гордон, В. Тимошенко, архитектор О. Гольянкин, художники О. Кузнецов и Н. Флоренский.

Авторам поручено доработать проект, чтобы сооруженный по нему монумент стал достойным славных дел ленинградского комсомола.

В. БАСОВ

На снимке: проект «Несущий факел».

Фото С. МИРНИНА.

Познакомьтесь: «Астра»

фенок, а, как известно, жирафы почти не разжимают рта в неволе.

Надо сказать, что родители «Астры» — жирафы «Джувелетта» и «Малышка» — единственные из «блуждающих» в зоологических парках нашей страны. Прибыли они в Ленинград из далекого Родения пять лет назад и с тех пор отлично освоились с новым климатом.

Чувствует себя превосходно и «Астра». Уже через две минуты после рождения она стала поднимать голову, а спустя сорок минут впервые встала на ноги и в сопровождении мамы вышла в летний вольтер, на свежий воздух.

Популярности новорожденной можно только позавидовать: повидаться с «Астрой» ежедневно приходят сотни ленинградцев, а также из других городов, разумеется, большинство детей.

«Астре» всего несколько дней. Но ее все принимает шестидесяти килограммов, а рост достигает чуть ли не

двух метров. Да и само поведение ее на свет было большим и редким событием: ведь «Астра» — жира-

ДВОРЕЦ ПУШНИНЫ РАСКРЫВАЕТ КЛАДОВЫЕ

Каких только мехов тут нет! Шкурки каракуля, белки, соболя, куницы, норки, горностая, лисы... Ими были заполнены стеллажи всех выставочных залов ленинградского Дворца пушнины. Недавно здесь закончилась 32-я международная пушиная аукцион. В течение десяти дней бушевали страсти, устанавливались мировые цены на пушнину, завывались деловые знакомства...

«Все стихло, когда в руках у председателя Всесоюзного объединения «Союзпушнина» А. Колкина появился молоток».

— Вот № 101 Первая цена — 74 цент! Кто больше? Удар молоточком... Еще один. Цены растут — растут страсти.

«Носию Ногичи, президент фирмы «Японское море», пришла в Ленинград впервые. Он соблазнил большие закупки белых шкурок и остался очком доволен первым днем пушиного аукциона. С ним пошел солидарен представитель шведской пушиной фирмы Ю. Френкель. Однако в отличие от своего японского коллеги он является «ветераном» ленинградских пушных аукционов: Френкель приезжал в нашу страну 32 года».

— Из года в год увеличивается количество товаров, — сказал швед — расширяется ассортимент, улучшается организация торговли. Одно лишь остается неизменным: отличное качество пушны!

Вместе с господином Френкелем на всех ленинградских аукционах постоянно, из года в год, бывают американец Зайдлер и англичанин Брайс. Француз Ревельсон, представители крупнейшей англо-американской фирмы «Арион».

Около двухсот иностранных коммерсантов участвовало в нынешнем аукционе: присутствовать в те дни в Ленинграде считали за должное пушники всех стран земного шара.

С аукцион собинели... рассказал нам управляющий ленинградским отделением Всесоюзного объединения «Союзпушнина» Аркадий Николаевич Крючков. — Ровно тридцать лет назад, в апреле 1931 года, проходила первый в нашем городе пушиный аукцион. С тех пор он в Ленинграде стал прочной традицией. СССР занимает первое место по количеству и разнообразию пушных зверей, мех которых высоко ценится на мировом рынке. В этом году ассортимент продаваемых шкурок отличался от предыдущих лет своим богатством. Так, большим спросом пользовались шкурки белого каракуля, впервые представленные на мировом рынке.

Хочется верить, что прошедший аукцион еще более укрепит международные торговые связи Советского Союза.

Д.М. ЮЛИН

Летом степь мертвая. Она лежит серая и раскаленная, и машин, проезжая, перегоривают ее стеной пыли. Солнце сунит землю, она крошится и рассыпается. И если из-за гор вдруг вырывается ветер, земля поднимается в воздух. Все мутнеет. Пропадают и солнце и неба, слезившая пыль, вытирать глаза и смотреть, хотя ничего не видно. Сидут вместо домов, вместо деревьев, вместо автобуса.

...Автобус поучал и умолк. Может быть, уехал, а может быть, остановился и стоит на дороге.

— Ахан-Таран?

— Ахан-Таран.

— Вот это заехали! А где же стройка? Где тут комсомольская стройка, бабай?

— Там. — Старик показал куда-то рукой.

— Где там? Рашида, иди сюда. Называется приехали и никто не встречает. Хороша комсомольская стройка! Рашида, иди сюда! Рашида, что ты стоишь там? Рашида!..

— Любка, мы сумку оставили. А там утюг. Что же нам делать без утюга? Как же мы не взяли сумку? Там же утюг. — Иди сюда, Рашида!

— А у нас в Ленинске столько деревьев! Дуры мы с тобой, Любка! Дуры!..

НЕ ХОЧЕТСЯ УЕЗЖАТЬ

Я уезжал из Ахан-Тарана в полдень. Была весна. Еще лежал кое-где на горях снег, и горы были белыми, голубоватыми и желтыми. Я шел в старый поселок. Рядом по обеим сторонам дороги простирались степь, в эту пору еще зеленая и живая.

В старом поселке, у забора, сидели старики в черных халатах, смотрели на дорогу и время от времени сыпали на язык и сосала запыленный табак — насыль. Потом слезившаяся пыль. Где-то близко скрипел чигир, подававший воду из арка. Над глиняными стенами, унылыми, шершавыми и кривыми, поднимался фиолетовый дым. Вешено цвел урюк. Автобуса нет и нет. Возле будки — толпа и крик. Не продают билетов.

Я поставлю здесь чемодан, бабай.

Старик пошевелил белой чалмой. Он стар и неподвижен, как этот поселок.

— Хоп! — не поднимая глаз, сказал он. — Ладно.

Я повернулся и пошел вдоль шоссе, чтобы еще раз взглянуть на степь. Надо пройти немного вперед, потому что с этого места не видно ничего, кроме чайхан, кроме котла под навесом и передвигавшейся с равными и слепыми шагами, где продается сразу и колбаса и мыло. От шоссе поднимается и ползет по лицу горячий воздух, удушливый и упругий. Это дорога на Ташкент. Всего три часа езды. По шоссе несется на большой скорости грязные, забрызганные самосвалы. Подъезжая к плато, поднимаются на рельсах и сворачивают в степь. И потом становятся низенькими и приплюснутыми и совсем теряются среди серых построек, среди громадлившихся там стен, прилипших к толстой, подпирившей небо стене. Остается она кажется белой. Она вызывающе огромна, в ней есть такая прочность, что кажется, будто люди поставили ее для того только, чтобы прижать и пригнуть степь, чтобы покатиться над ней, над ее обжиганным простором.

Внизу завод, большая комсомольская стройка. Там сотни людей, там грохочут машины, и туда несется по шоссе грязные самосвалы. Остается до стройки километра три или четыре, и потому видна только труба, а все остальное — какой-то серый бур, взъерошенный и разваливающийся.

Старик уже давно что-то кричит мне. Я не понимаю, что, потому вижу: он стоит, размахивая длинными руками халата, а за его

спиной, показываясь, разворачивается автобус. Старик кричит, что бы я взял свой чемодан. Я не хочу садиться в этот автобус. Я просто еси и сяду в следующий. Мне не хочется уезжать.

СОЛНЦЕ ПЕЧЕТ

Они приехали в прошлом году летом, когда еще не было всей трубы. Была половина. Может быть, меньше. Буря прошла, открылось размытое небо, и солнце плавилось над степью, как кусок янтра, желтое и бесформенное.

— Вы чего здесь ходите?

— Нам Кузнецов нужен, начальник участка.

— Я Кузнецов.

— Ладно тебе! Где начальник второго участка?

— Я начальник второго участка. Вам что нужно? Уйдите с дороги.

— Ты сам-то не стой на дороге. Ой, Рашида, ну и смеку! У нас тут все так?

— Знакомиться приходи?

— Ну да, знакомиться. А ты думал?

— Ну, хватит дурака валять. Я Кузнецов. Говорите, что нужно, или уйду.

— Мы на работу. Вот я и подружка Люба... Вот у нас направление.

— Говорите громче. Идите сюда. Как ваша фамилия?

— Хасанов. Рашида. Я окончила индустриальный техникум. А Люба — штукатур.

— Если поставлю мастером, сможете работать?

— Ну чего ты молчишь, Рашида? Говори.

— Нет, мастером я не буду. Я сначала привнику.

— У тебя же диплом, Рашида! Чего ты?

— Нет, я сначала привнику.

— Хорошо. Пойдете арматурщицей. — Он очень молод, и глаза намеренные и вездные. Вынул ручку, что-то чиркнул на бумажках. — Иди-то сюда, ищите бригадiera. И мы тоже ищите своего бригадiera. И смотрите по сторонам. Под кранами не ходите.

— Зачем же ты согласился, Рашида? Ты раньше работала арматурщицей?

— Ну и что, научусь...

МИНОВАРОВ

Я хожу по строительной площадке под бетонными стойками, на которых лежит круглая железная пень, переступая через рельсы и провода, пригибаю от гудка катящегося грохота.

— Где Миноваров?

— Там, на горячем копце.

— Где Миноваров?

— Только что был здесь. Куда-то ушел.

Не жарко. Ранним утром на землю вылилось немного дождя. Еще не подсохло железо. Оно темное-коричневое. Серые плиты лежат на шершавых бетонных стенах. И небо плещется, не похоже на себя, синее и чистое. Но солнце навалилось с каждой минутой и невинно сверкает в лужах.

Девушки перетаскивают куда-то арматуру. По воздуху плывет бадья, и тяжелые камни бетона шлепаются о доски. По горе щебня, на самой вершине осторожно ползает бульдозер. И почему-то, как никогда, на площадке много машин. Подскакают, уезжают бревна, швеллер, кирпичи.

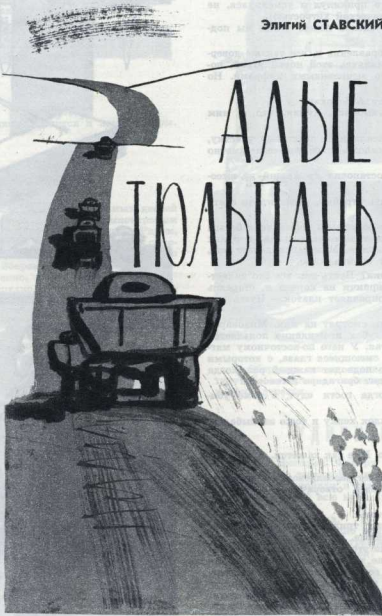
— Люба, где Миноваров?

— Не знаю.

— А почему столько машин?

— Какое-то высокое начальство едет. Надо мусор убирать.

Миноваров появляется неожиданно. Он идет, опустив голову, в сером грубошерстном пиджаке, который ему немного маловат, летает резиновыми сапогами в грязь, а за ним шагает табельщик.

ЭЛИГИН СТАВСКИЙ

— Знамя вынесите и поставьте наверх. Пускай стоит, пока оно еще напеет, — нетерпимо говорит Миноваров — и из-под бровей поглядывает когурт. — И знамя Зборонца тоже надо поставить.

Его приходится слушать, чуть напрягавшись, он всегда говорит нетерпимо, с малозаметным акцентом и как-то перекалывая слова.

Табельщик прыгает через лужу, придерживая очки, и не то с любопытством, не то с ехидней спрашивает:

— А знамя ЦК комсомола тоже сюда поставят?

Миноваров вскидывает глаза.

— Это меня не касается. Это — знамя всей стройки. — И теперь нотки раздражения слышатся в его голосе. — Почему, я вас спрашиваю, вы не сообщаете мне, что бригады в субботу ушли раньше времени? Почему вы не занимаетесь своим делом?

Миноваров идет дальше. Табельщик пристально смотрит ему в спину, поправляет очки.

Миноваров, наверное, вот уже неделю мрачен, ходит, приглядываясь ко всему, что-то выискивает, всем недоволен, не слушает, больше сам говорит, вспыхивая и накаляясь. Несколько дней назад он услышал, что у него отбирают знамя и передают первому участку. Он не поверил, заулыбавшись, что-то прикинул и усмехнулся, не то удивляясь, не то утверждаясь мелоческой хитростью.

— Ну, и знаю, чьи это штучки. Кузнецов хочет, чтобы мы поднажали. Знамя у нас останется.

На следующий день он пришел в управление и, все так же доверчиво улыбаясь и, кажется, даже забавляясь этой новой игрой, положил на стол бумажку с аккуратно выписанными цифрами. Но ему сказали, что поздно.

Есть решение постройкикома, Ренат Агборонич.

И он снова не поверил, все еще улыбаясь, думая, что с ним хитрят.

Сейчас он немного тяжеловато и устало идет по своему участку, почти не поднимая тяжелые, грязные сапоги, и все так же незаметно поглядывает по сторонам.

Возле груды кирпича Миноварова остановил дрожащий на высоких нотах девичий голос:

— Это так полагається, чтобы убирать стройку, когда кто-то едет? Это так принято?

Люба стоит, перегородив дорогу, в серо-зеленой кофточке, с белым платком на голове, вся какая-то удивительно чистенькая, в руках стопка кирпичей, и глаза колыхну и злые. Миноваров делает вид, что это к нему не относится, и хочет пройти мимо.

— Это такой порядок — втирать очки? Пусть так все это валется и при начальстве. — Она ставит кирпичи на колено и, стараясь выдержать тон, на всякий случай поправляет платок. — Пусть так и валется.

Все, кто стоит рядом и слышит это, смотрит на них. Миноваров наконец поднимает голову, и на его губах неожиданно появляется улыбка, не то ссорная, не то виноватая. У него по-восточному мягкий, красивый овал лица и хроническое, смеющееся глаза, с которыми он не может совладать и которые его подводят каждый раз, когда он нагонит на себя мрачность. Он видит бригадира и говорит:

— Зборонец, как ты думаешь: когда гости едут, в доме убирают?

Зборонец не прост. Сдвинул на затылок кепку и тоже заулыбавшись, но так кичливо и не ответил.

А на Миноварова слова неслется:

— В доме всегда должно быть чисто. Мне так кажется. А не только перед начальством.

Миноваров смотрит на нее в упор, хочет разозлиться, но не может и, уже совсем не по-начальственному, отворачивается, прячет улыбку.

— Хорошо, Бердников. Мы это ущем.

Миноваров — коммунист. На вид ему тридцать, и он старается изю всех сил, чтобы выглядеть еще старше. На самом деле ему двадцать шесть. Недавно из института, но это уже второй завод, который он строит. За длинным носом не таянется, словами людей не опутывает, а по большей части живет сердцем, удивительно чистым, неторопым, страшно доверчивым. Он влюблен в эту стройку как-то тревожно, порой до тоски, до боли. Приходит в конторку нетерпимо, когда уже никого нет, и прикидывает, и фантазирует наедине с собой. А на следующий день появляется свежий, повеселевший и чем-то озабоченный. И никто не знает, чем же. Кто-то нажаловался на него в министерство, что он перетягивает сюда специалистов с других строек. Он удивленно развел руками, не понимая, что в этом плохого. И по-прежнему ходит на почту, на переговорный пункт, кого-то агитирует, кого-то убеждает.

Вечером вдвоем мы возвращались со стройки. Было очень поздно и тихо.

— В клубе еще танцы, — сказал Миноваров.

Он сказал это как-то не по-своему, как будто грустно. Обрывками из нас дохнула незнакомая в такой тишине, светлая музыка. И я вдруг подумал: почему он один в этом поселке, почему спит в общежитии и каждый раз приходит и виновато стучится в дверь не своей комнаты? И потом, не зажгши света, идет в темное холодный чай. Почему это?

Хорошо у нас? И в его голосе снова появилась тихая, доверчивая радость, трогательная, на которую нельзя не откликнуться. Ведь совсем ничего не было. Пусто совсем было. А теперь построили. Потом здесь, наверное, город будет. Большие дома. И, кажется, незаметно... И все будет другое...

Стало светлее. По обеим сторонам шоссе тянулись широкие, прямые улицы нового поселка, еще изрытые, грязные. Издали свет ка-

залса веселым, а здесь он был обычным, желтым, нейтральным. Лампочки на столбах, лампочки вдоль доков. Возле стадиона снова темно.
— У меня жена в Ташкенте.— сказала Миноварова.

ТРОПИНКА В ГОРЫ

Что-то звенит в степи чисто и тонко, может быть, воздух, а может быть, птица. И почему-то не слышно, как стрекочут машины, как бросают доски. От железных прутьев на ладонях ржавчина и быстро немеют пальцы.

— Тебя как зовут?
— Рашида.
— Ты все время гвоздем выжешь арматуру? Ты бы попробовала кусачками.

— У меня руки маленькие, а кусачки большие.
— Ну, вот ты какая смешная! Хочешь я тебя научу? Вот так держи. Крепче. А теперь крути. Ну, крути, не бойся. Ну, давай вместе. Я буду твоими руками. Вот так и вот так. Получается?

— Это твоими руками. А мои непослушные.
— Ну, теперь попробуй сама. На тебе проволоку. Вот так. Хорошо.

— Нет, ты не помогай мне. Я сама. Я теперь сама.
— Ну, легко? Так легче?

— А тебя как зовут?
— Фарид.
— Ты на какой бригады?

— Из этой.
— Правда?

— Что-то звенит в степи, чисто и тонко. Кружится и летит в горы. И там затихает.

ЗБОРОВОЕЦ

Фотография Зборонца висит на доске почта возле самых дверей управления. Это — знакомое место. Мы как-то стояли с Миноваровым у этой доски, стояли и говорили, — за доской была тень. Рядом, отъезжая от бетонного завода, подпрыгивали в громадной яме самосвалы. Выплескивали бетон и буксовали в нем же и выли, надвинуто и страшно. Я спросил Миноварова о Зборонце. Он посмотрел на меня выжидающе и как-то недоумевая, потом сказал:

— Что надо пареня! Когда было трудно, я поставил его на гривный конек и... — Губы Миноварова дрогнули в улыбке. — Сам не понимаю. Все собираюсь выкроить день. Сесть и понаблюдать, чтобы он не видел. Какой-то у него метод... не понимаю...

Зборонцу тоже двадцать шесть. Он ходит по земле как-то неслышно, мягко, чуть торопливо и как будто сторонкой, точно боится, что его кто-то остановит. И своими спокойными серо-голубыми глазами раздает людям щедрые авансы: «Вот я. Тебе что-нибудь нужно?» Посмотри и иди дальше. Обратно ничего не требует. На самом деле в его глазах таится какая-то неопытная и даже притягательная украинская хитрость. На стройке его зовут Толки.

— Толки, иди посмотри здесь.
— Толки, что теперь?

Он подходит, точно поднимается, смотрит, еще смотрит и начинает показывать толково, не спеша и, кажется, чуть удивляясь чужой неопытности, так что у проснующего помощи остается неприятная досада на самого себя. Но не сразу, а уже потом, когда серая бригадирская кепка исчезает.

И вдруг, почти через год после того, как Зборонец приехал на стройку, кто-то узнал, что он не Толки. Его имя — Антон.

— А почему же Толки? Откуда звали Толки?

Зборонец шурит выкатом смеющихся глаз и пожимает плечами.

— Один сказал, и пошло... — Голос у него тоже мягкий, скажет слово и чуть подождет, точно рукава разводит. — Ну, пускай Толки. Ну, так пошло, и все. Толки и так.

Его на стройке любят и уважают. В бригаде у него ни шума, ни дискорда, пыльным прийти никто не посмеет, работают как будто и не спеша, без команд и без окриков, покуривают себе сколько хочется, перекидываются словами, а дело тоже не стоит.

Все как-то само собой получается.

Лет дождя или пыль бросается по степи, Зборонец приходит на работу первым. Стройка лежит стидливо обнаженная, точно брошенная. Он поднимается по склону вверх и одиноко и тихо бродит по доскам, что то вымерзает, словно сам собирается подняться и оживить все эту машину. Потом находит себе место где-нибудь в уголке, садится, спокойно и толково возится с бременем или дробно тапает топориком. Но сам он видит все и, если нужно, вдруг разогнется и пододвинет. Его крайняя мера — разговор в сторонке.

— Ну-ка отойдем. — И смотрит на вынужденное обижение, разочарованно, как будто своей чужой у него выход рук что-то унес.

После этого он может выплыть из бригады. И выгнот. И опять незаметно, без шума. Говорить будет, сожалел.

— Я ведь ничего не могу — ребята возражают. Работать надо. Надо было быть стартерам. Ну, пойдем к Миноварову...

На его бригады уходит никому не хочется: спокойно, и заработок хороший.

На любом собрании, на партийном, Зборонец сидит на краю скамочки, покуривает, молчит. Бывает, что ему достаются неприятные слова. Он все равно молчит. И если глаза его, светлые, смеющиеся, говорят: «Вы люди хорошие. Вы люди умные. И дело у вас хорошее. Вы все понимаете сами. Ну, что я могу вам сказать?»

У Зборонца семья: жена, двое детей. Ему дали хорошую квартиру. По вечерам он помогает жене: моет полы, посуку, поливает у дома деревья...

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЛЕТО

Не было фонарей. Фонари погасли. И деревья стояли совсем черные, облитые тишиной и теплом.

— Рашида, пойдем к театру. Ты видела театр Навои?

— Мы с тобой всю ночь проходим по улицам?

— Ну и что?

— Хорошо, Фарид.

— А тебе не страшно ночью?

— Одной было бы страшно.

— Почему ты смеешься?

— Вот хочется строить, что мы будем потом делать?

— Еще будем строить. Здесь ведь на много лет. Ты будешь мастером.

— Я думала, не привыкну, а теперь привыкла. Мне на другую работу и не хочется. А Люба каменищница пошла. А знаешь, мы, когда с ней приехали, мы в автобусе ушли оставили. Я чуть не ревала. Вот дура!

— Давай мы с тобой поженимся...

— Фарид... Зачем ты это сказал? Ой, уже скоро утро... Фарид, зачем ты это сказал?..

Утро рождалось где-то в улицах. Но все равно было еще тихо. Потому что утро было окресное, чистое и немного холодное, удивительное для Ташкента. Поднялось солнце, и холодно...

КУЗНЕЦОВ

Нельзя представить Ахат-Гаран без Кузнецова, резкого, насмешливого и страшно молодого для своего дела человека. Кузнецов среднего роста, плечи широкие, и еще что-то мальчишеское осталось в его фигуре, на его лице и в глазах, беспомощно прищипавшихся, пропущивающих все, на что они наткнулись. Ему двадцать восемь лет. И в этой степи он должен говорить только веские, твердые и редкие слова. Он главный инженер. А знодию замечает и начальники строительного управления. Но где ему взять выточенные из гранита слова? Чьего мудрые головы на погода оставили его один на один с чертежами, с квартирами, с миллионами рублей, с говар-

ными нагонами, и невозможно перечислить еще с чем. Он приехал в Ахан-Гарин на должность начальника участка. Носился с утра до вечера, ершистый, неугомонный, умеющий настоять на своем, не успевая побойться, где-нибудь на бревнышке жевал бутерброды, шмыгал носом, поводи твердыми синими глазами. А потом назначили главным... Весной, когда я увидел его первый раз, это был человек с лицом большого желтухой. После каждого моего вопроса он смотрел куда-то в край стола, и казалось, вот-вот сползает со стула. Упадет, заснет, и к черту все... И вдруг поворачивается, снимал трубку и стараясь улыбнуться.

— И не умею рассказывать... Голос некрепкий, вялый. — Ну что? Палатки были. Приходили из кышлаков люди. Топора не умели держать. Ну, вот и все... — И после этого — другой голос, сочный, звинчиванный: — Кончается цемент. Завтра стоить будем. Станция? Цемент пришел? Сколько вагонов? Переключите меня на квартиру главного механика. Здесь на бетонном окоде полдела шланг...

Едва пришил бумаги о назначении Кузнецова главным инженером, как его оставили одного. Начальник управления, милый, хороший человек, с надорванным сердцем, перешел на другую работу. Новый начальник появился через четыре месяца. Вечером зашел, протянул руку, сел в широкую вымгину на диване, посмотрел за окно, где торчали краны, и сказал:

— Слушай, мне отдохнуть надо. Ну, понимаешь, надо. Вот приеду — возмусь.

— Когда?

— Потерпи еще месяц. Месяц, ну и все.

Кузнецов врезвел. Повернулся боком. Рукой спихнул со стола свою же кепку.

— К черту!

— Что ты хочешь?

— Я хочу выполнять свою работу. Чертежи, технические вопросы и все. Я хочу, чтобы здесь был построен завод. Мне это все — вот. Я хочу, чтобы у меня был начальник. Начальник чтобы был. Такой, кто умеет устраивать приемные дни, выступать на совещаниях, разговаривать по телефону. Я хочу торчать на строительной площадке...

Погода изо дня в день спокойный трудяга «Рафин», растянул шинками утренняя тишину поселка, подсылая и заборнику, за которым белые занавески в окнах, стеклянная веранда, пригласив и в яростно задымающийся в петле пест. Пест рвется. Потом хлопает дверь, и он скундит и крутится на земле. Кузнецов садится рядом с шопером. Там не очень удобное место. Надо откинуться чуть назад, завалиться на бок и облокотиться на левую руку — тогда лучше. Кузнецов так и садится.

— Поседем.

Машина маятая. Идет, чуть покачиваясь. Но снаружи не видно, какое у Кузнецова неудобное место. И его наклоненная набок голова с надвинутой на лоб кепкой и вся его поза кажется вымывающей. Вот так он и уносится каждое утро к высокой трубе пашерой, холодной еще дороге. А сзади, за его спиной, тесно нагнись, сидят мастера, начальники отделов. Утром покуривают, разгоняют сон табакком. Вот так они хатят все вместе. Мимо довоза, мимо шлагбаума, обгоняя самосвалы.

По стройке он ходит один. Оснаиваясь, где надо. Разговаривает, с кем надо. Ходит размышляя, так, что плаги на нем шуршит, ступает, как будто давит землю. И все кругом — каждая ферма, каждая стойка и даже каждая яма — ему знакомо. Они его.

Днем Кузнецов заходит к себе в кабинет. Фанерные стены, фанерный стол, пара стульев. Сидит, не снимая кепки, перебирает бумажки, переплывает с места на место. Не знает, что с ними делать. В дверь заходит без стука. Свирица с первого участка пролетит комнату. Иванюшкин подползает какому-то «фору» — поднимать надо. Выхватил — свою «фору». По телефону требуют автобус: Ташкенте матч «Пахтакор» — ЦСКА. Кузнецов слушает ошалево, понимает плечами. За окном у него гремит и грохочет.

— Начальника снабжения позвоните. — Сидит, смотрит с досадой. Входит начальник из жаркого человека. Мигет кепку. Лицо круглое, красное. А перед ним — мальчишка, ворот распахнут, голова быстрое. Молод, молод.

— Где железо? — Кузнецов начинает тихо. — Металл где?

— Нету.

У Кузнецова есть власть. Может выплатить. Но кого взять? Кузнецов кружко железом, кепку ему. Спросит с него. Это у него за стеной гремит и грохочет. Как ему поступить? Как ему рычагом рывить с этим человеком, который на много старше его? Что в таких случаях делают?

— Где, я спрашиваю, металл? Металл двадцать четвертый номер? Вот приказ министра. Одинадцатого мы должны сдать объект. Сегодня одиннадцатое число. Где ты вчера провалялся целый день? И уже ладонь вверх, и уже в голосе — железо, и злость на самого себя, и бунт, что будет. — Выйдите все отсюда. Мы поговорим вдвоем. Где металл? Я тебя спрашиваю, где металл?..

Люди стоят за дверями и все равно все слышат.

Разные есть люди: застенчивые, унылые, недалькие — со всеми жить надо. Дело у всех одно. Я однажды спросил у Миноварова: — Должно быть, трудно Кузнецову. Опыта ведь нет.

Миноваров сказал просто:

— С ним нельзя плохо работать. Самому становится совестно, если что-нибудь не сделаешь.

Крутит жезлом Кузнецов со всех сторон, торкает, нахлещивается так, что и подумать некогда, и только одно ему помогает: бегают он, вертится, точно в колесе, не для себя. Это в нем глубоко заложено. И этим он богат. Един и жив. Если нужно, умеет наступить и на себя. А это бывает у людей редко.

СТОЛБЫ НА ДОРОГЕ

—...А здесь мы будем танцевать... А здесь мы поставим шкаф для твоих книг. Через два дня, наверное, сделают окна. Сегодня какое число, Фарид?

— Четырнадцатое.

— Давай крикнем что-нибудь. Сперва ты, а потом я. О-о-о-о...

— Угу-гу-гу...

— Тебе нравятся здесь? Мы, когда с Любкой приехали, мы сказали себе, что ни за что не уедем, хоть как будет тяжело. Только у нас, в Ленинке, больше деревьев. А зато здесь горы.

— Рашада, давай мы выедем сегодня. Сами вставим стекла. Сначала в этой комнате, потом в той.

— Правда, Фарид, давай выедем. Я буду жить в этой комнате, а ты в той. Хорошо? И пригласим на свадьбу всю бригаду. Тебе нравятся здесь? Давай мы посидим на полу. Посидим, помолчим и поспотим. Хорошо?

— А ты будешь молчать?

— Буду. Я в старом поселке ни за что не стала бы жить. Мне туда и ходить не хочется. А здесь тоже будут деревья, у нас под окном. Мы сами с тобой посидим. И еще где-нибудь отдельной три дерева. Правда? Ой, Фарид, неужели у нас будет свадьба? Любка придет. И астанат целовать при всех и будут смотреть. Ну, чего ты смеешься?

— Здесь, наверное, много народу поместится.

— А еще кого пригласим? Пускай все приходит. Я напишу маме... Вдоль дороги много нового поселка будут столбы. Бегут, становятся маленькими и пропадают. Наверное, бегут вокруг всей земли...

* * *

Весной все стройка в тыльняках. Где только их нет! Разбросанные, лежат прямо на горячем железе, на досках. Жгуче горят в косах. Букетники их, уже вялые, разстеленные, влеют в кабинках машин. Тыльняки на кепках, в петлицах пиджаков, за окнами и просто на свамежках возле домов.

Но знаю, дают ли строительным умам колоссальных строек памятные значки. Если дадут, то, наверное, у ахангаринцев на значке должен быть тыльняк. Может быть, еще что-то, может быть, пещ или эта высокая труба, но красный тыльняк должен быть обязательно. Это красный весенний цветок. Он рождается в горах после сильных дождей, глубоко впитавшись в землю и может выстоять даже в сильную бурю. Хорошо, если он останется на трубе. Люба Бордиковой, у Рашады Хасановой, у Фариды Аллиной, у Антона Зборна, у Рената Миноварова, у Александра Кузнецова, у сотен парней и девушек, которые встали в горячий степи.

—Кричат на дороге инак, истопно и нудно. Асфальт чернеет под солнцем. У забавных ехавших над пыльными старика. Я сажу на своем чмодане и все скорого бегу, выношу в стену трубу. Ушел еще один автобус на Ташкент. А мы так не хочется уезжать! Кто-то останавливается рядом. Поворачиваю голову. Стоит девушка.

— Где тут строится цементный завод?

Я показываю на трубу. Потом вижу: волоча по земле чмодан, идет еще другая. И эта другая ядрот кричит:

— Люська, что ты стоишь там? А чмодан кто будет нести?

У МОЛОДЕЖИ ИНОЙ ПУТЬ

Военный министр ФРГ Франц Иозеф Штраус пустился в дискуссию о том, хорошо ли быть солдатом. Как офицер разгромленного гитлеровского вермахта и опекун нынешнего адензуровского бундесвера Штраус, разумеется, считает, что самое лучшее для немецких юношей — это стать под ружье и учиться убивать. Однако две мировые войны, унесшие 50 миллионов жизней, породили в немецком народе недоверие к разудалой песне «О, как приятно быть солдатом».

Именно это и вынуждает Штрауса поддуть розовый туман в свои поджигательские речи. Германским реваншистам снова требуется пушечное мясо, и в поисках его даже боннский министр начал жонглировать красивыми словами: «Образование, интеллигентность, гражданское мужество». Именно такие качества необходимы молодому немцу, согласившемуся служить в бундесвере, утверждал он в рекламной беседе с тремя западногерманскими старшесклассниками, которые якобы приходили к нему за советом, какой путь избрать в жизни. Мюнхенский журнал «Бунте иллюстрирт» опубликовал эту беседу под жирным заголовком: «Мы ведем дискуссию с министром обороны ФРГ Францем Иозефом Штраусом и приходим к выводу: быть офицером — это очень хорошее занятие».

Того же мнения придерживаются и правящие круги ФРГ, отвергающие предложения Совет-

ского правительства заключить мирный договор и решить на его основе проблему Западного Берлина — нынешнего порохового погреба Европы. Боннские реваншисты снова внушают молодым немцам пагубную мысль, что война — их национальное ремесло.

Западногерманской молодежи трудно спорить с официальной пропагандой: ведь в школах им говорят правду о гитлеризме и о минувшей войне. Эту правду может рассказать ей только старшее поколение, от имени которого к молодежи обращаются сейчас лучшие представители германской нации. Среди них Вилли Бредель, известный немецкий писатель-антифашист, участник боев в Испании.

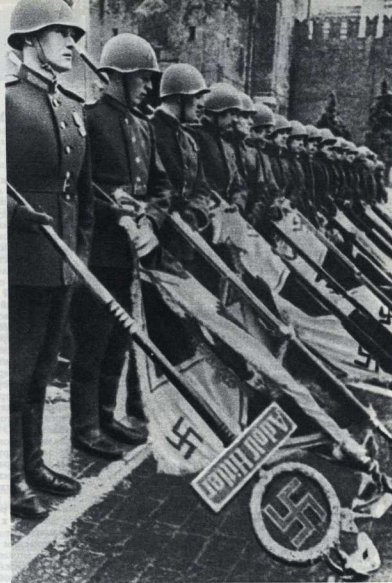
Вилли Бредель говорит: «Я пережил две мировые войны. Видел, как сотни тысяч молодых людей погибли в Испании на реках Эбро и Мансарес, на берегах Волги у стен Сталинграда, на Днепре под Киевом. Многие из них только начинали жить».

Моему младшему сыну сейчас четырнадцать лет. Как человек, доживший до восьмидесяти лет, я не хочу, чтобы он погиб на полях сражений, как те юноши. Немецкой молодежи и всем молодым людям Европы нужен мирный договор с обоими германскими государствами. Другого выхода из опасности новой войны нет.

Такой договор помешал бы милитаристам столкнуть молодых западных немцев с молодежью других стран Европы в новой, невиданной по масштабам братоубийственной войне.

Как гражданину ГДР, мне далеко не безразлично положение молодежи Западной Германии. С болью в сердце наблюдаю я, как те же самые зловещие силы в Германии, которые на протяжении моей жизни дважды приводили молодое поколение к полям сражений и братским могилам, снова пытаются развязать войну. К сожалению,

боннскому министру Штраусу не терпится вновь поднять солдатский сапог над Европой. Урон истории его, видимо, ничему не научили.

Гитлеровские знамена все-таки попали в Москву. Они были брошены и подожжены Мавзолеем на параде Победы в мае 1945 года.

значительная часть молодежи Западной Германии отравлена подлой антикоммунистической и милитаристской пропагандой. У нас же в ГДР молодежь, как и весь народ, проникнута духом мира и гуманизма. Именно поэтому я выступаю за то, чтобы наши молодые люди установили глубокие и активные контакты со своими сверстниками в Западной Германии.

Сохранение и укрепление мира являются важнейшей проблемой нашего времени и вместе с тем для всего молодого поколения. Без решения этой проблемы у молодых людей не может быть будущего. Для прошлых поколений война была большим несчастьем. Современная война при наличии атомных средств уничтожения ставит под вопрос существование всего человеческого общества. И важнейшей предпосылкой в решении этой насущной проблемы должны быть солидарность и сотрудничество молодежи всего мира».

В своем обращении к молодежи Вилли Бредель зовет ее принять участие в мирном решении проблемы Германии, которая вновь становится проблемой всего человечества. Немецкий писатель, начавший свою борьбу с фашизмом еще в рядах Интернациональной бригады, лучше многих других знает, чего надо ждать от правителей, благословляющих милитаризм.

Вилли Бредель требует от молодежи не допустить новой войны. Писатель опровергает воинственный боннский министра. Он направляет молодых соотечественников на путь мира, свободы и труда. Верным путем к этому пути явится мирный договор с Германией, который обеспечит немецкому народу независимость и суверенитет среди миролюбивых стран Европы.

Глеб ПАГИРЕВ

ИЮЛЬ

Земля вошла в свою красу,
июль вышел за половину.
Девчата в самую росу
берут за озером малину.

Они в рассветные часы
весь лес исходят без дороги.
Мокры подошвы от росы,
горят исхлестанные ноги.

Идет малина через край,
плоты корзинки и бидоны.
Ходи хоть месяц обирай:
в лесу малины этой тонны.

У малышей в малине рот,
лаской малышкой пахнет лето,
окажет над озером свет
совсем малинового цвета.

По вечерам на танцах чадо,
под гитару с медомалиной,
и пахнут руки у девиц
душистым мылом и малиной...

Леонид ПАЛЕЙ

Я целую тебя, Земля,
Всю в морщинах тракторных борозд,
Присягну тебе, Земля,
Чистотой твоих берез.

Я живу, добра не копя,
Я живу, никого не кори,
Я живу, чтоб алаба века
Звезда Октября.

Я иду по тебе, Земля,
Молодой и сильный яду.
Надо мою твою зарю.
Выбирая судно экой,
Ухожу в штормовые моря,
Чтоб ты вечно-вечно цвела,
Дорогая моя Земля.
Ты прекрасна без слов моих,
Только я не могу не петь
Красоту и силу твою.
Ты мне в сердце, Земля, загляни,
Отличи в нем слова сама.

Поднимают на мачтах огни
Уходящие в ночь суда.
И романтики яростный ветер
Мне ложится под ноги трапом.
О Земля моя, верь мне,
Верь,
как веришь

весенним травами!..

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ЕСТЬ ЧУДЕСА НА СВЕТЕ!

Есть чудеса на свете —
Стеки, как скупленный миг!
Есть у Элохи поэты —
Знаю по имени их.
Птицу за пазуху прячу,
Ее я напеку в траве.
Если хочешь, заплачу —
Столько птиц в синеве!
Лесом иду
и полем,
Российской своей иду.
Кругом до краев полон

Яблоко,
что рвал я в саду.
Их сторожа проспали.
Стоянки лишь видели,

как
Яблоки с веток пропали...
И вот они,
все
в стихах!
Не ради забавы и смеха,
На бой и на муки готов,
Кидает певец,
как в травы,
Тяжелые яблоки слов.
И горько,

и сладко,
и солоно!
И, если хочите,
в стих
Спектральный анализ солнца
Сделает — и никаких!
Формулы и расчеты
Возьмист моя слеза.
Поэзии звездочеты
Выруливают в небеса.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Сиреневые горы вокруг
Байкала —
Их красота в глаза мои
запала.

В вечернем сумраке они
аллавы.
Здесь баргузин в куски
ломам подковом,
С летучих ног своих сбивал,
шагая,
Был и хотил распадаи,
не жалея.
Здесь тучи пьются, над
скалами нависну,
Байкал их не пускает.
Он неистов.

Нрав у него крутой — как
вскинет брови,
И тишину взорвет
на полусаево,
И забудет так, что
дальней даймо
Гроза везде гремит
по Байкальскому.
А тут Старик шутя берет
в охапку
Сиреневые горы в черных
шапках!

Людмила ЩИПАХИНА

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

«Человек за бортом!» — команда.
«Человек за бортом!» — тревога.
Люди делают все, что надо,
Но спасти человека смогут!

«Человек за бортом» хочется,
Человек спастись не хочет.
Важно ходит в городе том
Молодой «человек за бортом».

Человек танцует почками,
Зачивает праздник вином.
Человека земля качает,
Ходят улицы кодуном.

Человеку кто-то постелет
Голубые, как снег, постели.
У него хороший папаша,
Он не спит — он сынышку ждет.

Человек не сеет, не пахнет,
Но зато отчаянно жист!
Но зато потирает ладони.
...Человек этот тонет, тонет...

За соломинки и за прутья
Человек не схватился — нет.
И бросают ему нагрудники
Номерами местных газет.

И спускают ему канаты,
И дана из помощи рука.
Взгляды сверстников, как гранаты,
До решающего рывка.

Только сердце уже немое,
Только кровь пульсирует гауще...
...Очень трудно спасти на море,
Но труднее спасти на суше!

Владислав ШОШИН

Уже семнадцатой весне
Уде не ведать о войне,
Безоблачен июньский день,
В воронках влаетству
сирень.

И по траншее муравьи
Текут сквозь рытвины хвой.
Здесь кто-то юный пал
в бою.

Он заслужил тоску твою.
Но ты глядишь в глаза мои
Глазами солнца и любви.
О, как я должен жить, жить,
Чтоб это солнце засаду ждал!

Анатолий ЧЕПУРОВ

В березы,
В солмце,
В бирюзу небес
Я раскрываю окна. Все окрест
В звоночках птиц и в искрометном свете,
На ландышевых чашечках роса.
Я заслушиваюсь жаждою в голоса:
Вот под гору бегут на реку дети,
Вот плывет гулит, хороший день встречая
Над розовым пожаром иван-чая,
Вот кузны грохочет на горе.
И кажется: чего-то б не хватало
Без этого звучанья металла,
Без кузнецов, встающих на заре.

Паше тема, озаглавленное повествование необычайными достижениями науки, ставит перед писателями — фантастами новые задачи. И, если можно так выразиться, переводит этот жанр художественной литературы на орбиту большой научно-технической мечты.

Научная фантастика довольно быстро вырастает от наиболее легкого — довольного решения темы, связанной с каким-либо гипотетическим научным открытием или техническим изобретением, к самому трудному — образу человека, живущего при коммунизме.

Такое постепенное движение вперед и вверх по крутым ступеням основной задачи можно проследить на творческой эволюции ленинградского писателя-фантаста Г. С. Мартынова. Наконец по образованию, он пришел в литературу совсем недавно, в 1955 году. Первая его повесть, «220 дней на звездолете», посвященная экспедиции на Марс, была с интересом встречена читателями. Мартынов — добрый, мужественный романтик — с тех пор стал большим другом молодежи. Однако и эта первая повесть и две другие: «Сестра Земли» и «Наследство фазтонов» — объединенные в единый том под общим названием «Звездоплыватели», написаны в традиционном для научной фантастики прошлых лет «утопическом» ключе, когда главное внимание обращено на технические достижения и приложения.

В новом свете предстал Мартынов перед своими читателями в повестях «Каллисто» и «Каллисто». Они посвящены описанию свободного, справедливого и высокоорганизованного общественного строя жителей далекой планеты.

Последний роман Мартынова, «Встреча через века», вводит читателей в мир наших далеких потомков.

Как и в «Туманности Андромеды», действие «Встречи через века» переносится на много времени (точнее, на два тысячелетия) вперед. В приложениях к журналу «Вокруг света» «Искатель» № 2 за 1961 год была опубликована в сокращенном виде первая часть романа. Вот ее краткое содержание.

Наш современник, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Дмитрий Волгин, умирает в Париже. Для отправки на Родину его тело заключают в герметичные запечатанные свинцовый гроб.

Во время войны погибла жена Дмитрия Ирина, врач партизанского отряда, названная фашистами и посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза.

Дмитрий хоронят в СССР рядом с могилкой его жены.

В 39-м веке случайно находят свинцовый гроб и в нем высокий труп человека. Удается установить, кто именно был похоронен в этом месте.

Компьютерная наука будущего возвращает Дмитрия Волгина к жизни. Надо сразу же сказать, что воскрешение Волгина отнюдь не напоминает воскрешение Лазаря, повторенное множество раз писателями-фантастами, преследовавшими цель сделать своего современного свидетелем жизни будущего. Главы, в которых описывается медленное возвращение к жизни Волгина, если бы не самые лучшие в романе.

Величайший эксперимент — попытка постепенного оживления клеток тела Волгина, а затем воскрешение его — продолжался около десяти лет.

В процессе эксперимента решалась и чисто моральная проблема: имеют ли право ученые во имя науки распорядиться судьбой человека помимо его воли?

Вся Смена принимает участие в обсуждении этого необычайного, остро волнующего вопроса. Главным противником оживления является отец Главного Люция — историк и археолог Муций. И только после того, как Люция и его друзья, научные руководствуясь своей совестью и заботой о благе всего человечества, разрешает провести опыт, осуществляется оживление Волгина. Наступил наконец долгожданный миг, когда Волгин сам предложил Люцию:

«Идем! — сказал он. — Войдем в новый для меня мир».

«Постарайся полюбить его», — сказал Люций. — Я его уже люблю. Это тот мир, к которому мы стремимся, за который боремся и умираем».

И вот широко распахнулись двери в тридцать девятый век. Вместе с ним вступают в мир будущий, с интересом знакомимся с его жителями, с их бытом, с их заботами и мечтами.

Новый роман Мартынова, несмотря на глубокий драматизм личной судьбы Волгина, выходящий за пределы его собственного времени, в новом мире, который так нелегко постигнуть, оптимистичен от первой до последней страницы.

«Встреча через века» привнесла внимание читателей и самому главному — к представлениям о том чудесном будущем, к которому мы мечтаем и которое создаем повседневными нашими делами.

С этого номера журнала «Смена» начинается публикация романа «Встреча через века» с небольшими сокращениями. Вторая книга романа напечатана в этом году, третья — в начале 1962 года.

Владимир ДМИТРИЕВИЧ

Георгий МАРТЫНОВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

емля меняет свое лицо. Море — никогда!

Оно оставалось таким же, каким было во все эпохи и времена. Незменное, оно присутствовало при всей истории человечества, населявшего его берега. Оно видело плоские галереи финикийцев, сменявшиеся затем галереями греков. Оно оставалось таким же во все века владычества Рима, видело мавританскую культуру и крестовые походы. Оно присутствовало при падении Византийской империи, качало на своей могучей груди победоносные турецкие корабли и равнодушно поглощало их в сражении при Лепанто. Оно видело Абукирский и Трафалгарский бои. Стальные громады броненосцев двадцатого века исчезали в волнах с такой же легкостью, как и деревянные корабли римлян. Из года в год, долгие века, море собирало богатую дань с человечества — дань кораблями, людьми, кровью...

Но жизнь шла вперед, и человек победил стихию. Прекратилась дань кровью. Все реже и реже доставляли морю и люди. Испоконные дайнеры смеялись над яростью волн.

В третьем веке коммунистической эры люди окончательно покинули море. Безграничная и свободная стихия воздуха стала их единственным путем сообщения.

И полторы тысячи лет море пустынно. Марсуда появляются на его поверхности изжаренные хвосты любителей морских прогулок или какой-нибудь арелет! повинуясь капризу сидящего в нем человека, опускается на воду и скользит по ней, напоминающая своим видом грозное оружие прошлого — торпеду.

Исчезли огромные корабли, забылась морская профессия, и само слово «морье» стало неизвестным людям.

Но море оставалось все тем же. Неумолчно шумит извечный прибор. Одна за другой приближаются к берегу синие-зеленые волны, становятся выше, одеваются гребнем белой пены и, с замирающим гулом обрушиваясь на прибрежную гальку, откатываются обратно, уступая место следующим.

Волна за волной!

1 Арелет — летательный аппарат будущего.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Годы, века, тысячелетия!

«Так было, есть и будет», — подумал Волгин.

Он был один на обширной террасе, убитой зеленью дикого винограда. Опустив на колени книгу, Волгин задумчиво следил за неустанной игрой прибора. Прибор был такой же, как и в двадцатом веке, и было приятно смотреть на него. Это было единственное, что осталось прежним. Все остальное изменилось.

Дом и терраса были выстроены не из дерева и не из камня. Материал напоминал пластмассу, но не был ею. Мебель и все предметы обихода были иными по форме. Листья винограда были не такими, как раньше, и вся растительность в саду и вокруг дома казалась больше и сочнее прежней. Книга, которую он держал в руках, по внешнему виду была такой же, как книги его юности, но была написана на несуществовавшем раньше языке.

Все изменилось за те тысячу девятьсот лет, которые он пролежал в своей могиле, все стало другим.

Только море и прибор да еще небо были прежними. Волгин часами смотрел на водную равнину, уносась мыслью в далекое, а для него такое близкое прошлое. Возникали перед ним образы давно умерших

близких, появлялись города и села, дороги и мосты, поезда и пароходы; вся многообразная техника родного века, пусть примитивная и убогая с современной точки зрения, но милая и дорогая его сердцу. Незаметно подкрадывалось чувство тоски, и Волгин, стараясь не поддаваться ему, переставал смотреть на море и вновь брался за книгу.

Он читал историю техники. Талантливо написанная книга была предназначена для детей, и Волгин, никогда не имевший больших знаний по технике даже своего века, выбрал ее, так как не без оснований считал, что не справится с более серьезным сочинением. Произведение неизвестного автора (в заголовке не стояло никакого имени) в популярной форме описывало технические средства, которыми пользовались люди начиная с пятнадцатого века христианской эры и до настоящего времени.

Чем дальше читал Волгин, тем больше крепло в нем убеждение, что эта детская книга для него слишком трудна. И это происходило не по вине автора, а только потому, что у Волгина не было знаний по самым основам излагаемого предмета.

«Как жаль», — думал он, — что я юрист, а не инженер! Видимо, мне придется взяться за учебники для начальной школы».

Это были стационарные установки, и пользоваться ими можно было только в домах. К ним прибегали тогда, когда хотели видеть своего собеседника. Если же разговор был недолгий и люди находились вне дома, им служили карманные аппараты, называвшиеся также телефонами, но действующими иначе.

Переносной телефон представлял собой небольшую плоскую коробку, легко умещавшуюся в кармане. Коробка не открывалась, и на ней не было ни отверстий, ни кнопок.

Каждый человек в мире имел свой личный номер, записывавшийся за ним от момента рождения и до смерти. Например, Люций имел номер «8889-П-33», Муниций — «1637-М-2». Первые четыре цифры назывались «индексом», а находящиеся за буквой имени — номером. Сам Волгин получил свой личный номер в первый же день пребывания в доме Муниция. В виде исключения, а может быть, и для того, чтобы подчеркнуть необходимость владельца, его номер не имел индекса и был двузначным — «д-1».

Для вызова нужного человека достаточно было вынуть телефон из кармана и, держа его близко ко рту, назвать номер. Сигналом вызова служил звук, похожий на гудение зузмера. При разговоре аппарат находился в руке, и, чтобы слышать его, не надо было прикладывать к уху. Кроме нужного разговора, никакие другие слышны не были, так как каждый номер имел свою, строго определенную длину волны.

Хроющий «радиотелефон» вызывал чувство восхищения своим совершенством. Он был вечен, до старости до смерти он верно служил человеку, часто переходя от умершего к его друзьям или родственникам, пожелавшим иметь его как память о прежнем владельце. В случае утери или случайной порчи карманный телефон легко было заменить на ближайшем складе, где дежурный механик в несколько минут заменял выбитый экземпляр на нужный номер, если новый владелец сам не мог этого сделать.

3

Отложив в сторону книгу, Волгин спустился по ступенькам террасы. Прямая аллея, обрамленная с обеих сторон цветочными грядками, вела от дома к морскому пляжу. Густые ветви деревьев сплетались над ней, образуя зеленый свод. Море казалось темно-синей стеной, закрывавшей выход, незаметно переходящий в синеву неб.

Волгин решил выкупаться, так как день был очень жарким.

Как только он вышел из коридора аллеи, широкий простор словно распахнулся перед ним. Волгин подошел к воде и занялся картиной.

Сверкая глазами, раскинувшись необъятная даль. Горячее небо кипело потоком раскаленного воздуха. Как всегда, прекрасно было это побережье. Залая жемчужина Франции — благодатная Ривьера.

Волгин вспомнил, как почти два тысяч лет тому назад был здесь, приехав из Парижа. Непрерывная линия роскошных отелей и частных вилл тянулась тогда по берегу, который казался сейчас сплошным садом. Волгин следил за тем, как была Ривьера до Понента. Субтропическая зелень подступала к самому морю. В этой зелени пряталась небольшая дача, подобная дому Муниция. В ней жили ученые, работавшие в учебных комбинатах, расположенных в тех местах, где когда-то находились Ницца и Ментона.

Даже следы остались от этих двух городов.

Волгин жаркая вода, подставляя лицо лучам Солнца.

И вдруг показалось ему, что все случившееся с ним — болезнь, смерть, воскрешение, — все было только сон, мимолетным капризом воображения, галлюцинацией.

И вот сейчас он открыл глаза, и действительность вступил в свои права. Он увидит прекрасный Ривьер, нарядно одетых людей, белые парусы яхт, услышит вокруг себя многоязычный говор интернациональной толпы...

Высокая волна с гулом обрушилась на берег, заливая пенной ногой Волгина.

Он вздрогнул и очнулся.

Пустынный берег новой Ривьеры по-прежнему окружал его.

Но почему пустынный? Почему ему показалось так? Вон, справа и слева, везде люди. Или не так много, как было когда-то, в былые времена, но все же люди.

В двухстах метрах от Волгина трое людей с разбегу бросились в море. Ему показалось, что это три молодые девушки. Деловитый вид его ушей веселый, серебристый смех подтвердил догадку.

Нет старой Ривьеры!

Она исчезла в бездну времени и никогда не вернется. Всем людям, всей Земле принадлежит новая Ривьера.

Близко от Волгина три представителями юного поколения новой Земли весело резвились в воде. Каждую минуту долетал к нему их беззаботный смех. Кто знает они, эти девушки, о двадцатом веке? Как они представляют его себе? Для них все, что близко и понятно Волгину — история древности. Вероятно, они знают об этом так же, как сам Волгин знает о жизни Древнего Рима.

А он?

Эти девушки не могут не знать, что воскресший человек двадцатого века знает тут же радость. И если они не могут не видеть одинокой фигуры на берегу, возле дома Муниция, вероятно, хорошо им знакомо. И по внешнему виду, а главное, по росту, давали догадаться, что этот одинокий человек. Так почему же они не подплывают ближе, чтобы взглянуть на него? Неужели чувство любви, собственное юное, — им знакомо?

Плывающие девушки, если вам этого хочется! Подойдите ко мне, дайте мне почувствовать вашу близость! Ведь вы мои новые современники. Если бы вы могли догадаться, как нужны мне ваши юные счастливые лица, как трудно стало жить без людей, вы, конечно, пришли бы сразу. Но вы этого никогда не сделаете. Я сам воздвиг между нами глухую стену, и только я могу ее снести. А если я подплыву и вам? Как встретите вы меня? Испугаетесь? Или дружески улыбнетесь?

Юрий БУРЫГИН

ОСЕНЬ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ

Сад,

весь в багрово-золотом,
Грустит, хоть и наряден
листою кленовым
пестром.

А на скамейке

за кустом

Читает девушка-подросток.

И шурит глаз

И жмурит бровь:

Мешают солнечные блики.

Листом кленовым

Про любовь

Заложена страничка

в книге.

На мгновение Волгину мучительно захотелось броситься в воду и поплыть к ним, этим девушкам — людям моего мира, — но он сдержал свой порыв. Ничего, кроме человечности, не могло из этого получиться. Его астратик с недоуменной улыбкой, и все три сразу убагу от него.

Он глубоко ошибался и не мог еще осознать всей глубины этих ошибок. Он не знал людей своего мира. Только много времени спустя, вспоминая этот эпизод, Волгин смог представить себе с полной достоверностью, как встретили бы его появление три девушки.

Последние дни все чаще и чаще являлся у него жевание приближаться к людям, прекратить затворничество.

— Пора кончать! — сказал он самому себе. — Довольно! Пусть смотрят на меня, как хотят, но больше я не могу быть один!

Раздвигаясь, Волгину с наставлением подтолкнули в прохладные волны прибор. Он хорошо умел плавать и в годы студенчества нередко участвовал в соревнованиях. Вспомнив об этом, он подумал: «Сохраняю ли в мире спорт и спортивные игры? В беседах с Муницием он почему-то ни разу не коснулся этого вопроса. Он знал только, что гимнастика распространена повсеместно на всей Земле, но проводил ли по ней соревнования, он не знал.

Волгин далеко отплыл от берега. С острой радостью ощущал он силу своих рук, уносящих тело вперед в стремительном кроле. Только в дни юности мог он плыть так долго и в таком темпе. Живя в Париже, он иногда посещал бассейны и постепенно убеждался, что стареть, что плавать долго и быстро становится все труднее.

И вот он снова силен и молод. Каким волшебством вернулся и некую юность? Как Мефистофель из поэтической сказки Гете, Люция вернул не только молодость, но и самую жизнь.

«Потенциал человека всемогущ!» — думал Волгин.

Он плыл все дальше и дальше. Море было спокойное. Сзади, от берега, доносились к Волгину едва слышимый шум прибой. Оборачиваясь, он ясно различал на горизонте мыс Монако. В его время там помещался всемирный притон Монте-Карло. Что находится там сейчас?

Почувствовав утомление, Волгин прекратил плыть на спину и долго лежал, слегка покачиваясь на длинных волнах зыби. Должно быть, они пришли от Гибралтара, из просторов Атлантического океана.

Неизвестно откуда взявшееся облако закрыло Солнце — и палившие его лучи потеряли свою силу.

Волгин лениво отдался приятной мысли отдыха.

Какой-то арлет показались со стороны берега и низко пролетел над Волгином. Он с улыбкой подумал, что пилот, вероятно, не знает, кто этот одинокий плывец, так далеко заплывший в море, потому что иначе не счесть бы возмозным пролететь прямо над ним. Куда летит этот человек? На острок Сомалию или в Африку? Ничто не мешает свободным людям летать где угодно и когда угодно. На Земле нет границ и кордонов, ни у кого не надо испрашивать разрешения посетить любое место.

Но арлет вернулся. На этот раз он еще ниже пролетел над Волгином, ему показались те человек, сидящий в машине, выкатывающийся посперал на море. На мгновение арлет даже остановился, повиснув прямо над Волгином. Потом он полетел дальше и скрылся.

И Волгин понял, что человек этот никогда не собирался лететь. Он пришел сюда из-за него, Волгина. Люди, державшиеся от него в отдалении, замечая, как он уплыл в море, видели, что он все дальше и дальше удаляется от берега, и забеспокоились.

«Действительно», — подумал Волгин, — если бы я утонул, это было бы для них ужасной катастрофой».

Десять минут, которые он пролежал неподвижно, полностью вернули силы. Он поплыл обратно к тому же стремительным темпе.

Муниций ждал его на берегу. Обычно он этого никогда не делал. Наверное, кто-нибудь сообщил ему, что его «внука» подвергает себя опасности.

Но старший ученик не сказал, когда Волгин вышел из воды, ничем не обнаружил беспокойства, владеющего им все это время.

— Вы долго купались, — заметил он. — Обед уже ждет нас.

— А почему вы не купаетесь? — спросил Волгин. — День очень жаркий.

— Это уже сделал, — просто ответил Муниций, и Волгин почувствовал скрытый упрек в этом ответе.

«Не следует больше волновать их», — подумал он. — Впредь буду плавать далеко берега. Да и в самом деле, какое право я имею рисковать собой: слишком дорого я им стою».

Продолжение следует.

на 53 метра 41 сантиметр. Эпизы Большого пути, пройденного школой «Зенита», нагляднее всего характеризуются крупными соревнованиями атлетов — Олимпиадами. В 1952 году пятеро питомцев школы поехали на Олимпиаду в Хельсинки. Галина Зыбина стала чемпионкой в толкании ядра, 13 очков набрала тогда воспитанницей школы — больше, чем легкоатлеты многих стран, участники XV Олимпиады... В Мельбурн, на следующую Олимпиаду, отправились уже девять зенитовцев. Они привезли из далекой Австралии 21 очко — столько же, сколько сборные команды легкоатлетов Польши или Венгрии. Олимпиадой чемпионкой на сей раз стала Тамара Тышневич... На XVII Олимпиаде девять учеников школы «заработали» 21,75 очка — больше, чем легкоатлеты Российской Федерации, также выступавшие в Риме. Олимпийскими чемпионами стали сестры Тамара и Ирина Пресс...

Замечательная преемственность характеризует легкоатлетическую школу «Зенита». На смену одному олимпийскому чемпиону уверенно идет другой. Бывшие

ученики школы становятся тренерами. Вместе с В. И. Алексеевым плодотворно трудятся Г. Лукьянов и Е. Пугачевский (им недавно присвоены звания заслуженных тренеров СССР), В. Горшков, Ал. Михайлов, И. Козлов, А. Нотман. Воспитанники этих тренеров входят в число лучших легкоатлетов страны. Хорошую смену растит П. Большаков, Ю. Щербанов, М. Фельдман, а Галина Зыбина, Тамара Тышневич, Зинаида Дюникова, Тамара и Ирина Пресс на общественных началах тренируют юных легкоатлетов дога из шитанных тренеров тоже есть такая же школа.

В школе «Зенита» сейчас занимаются более 700 спортсменов. Среди них и заслуженные мастера спорта, и мастера, и первоазрядники, и спортсмены юношеского разряда, и новачки, 36 мастеров спорта воспитаны в школе за годы ее существования. Более 200 раз ее питомцы обновляли всеюродные рекорды и 25 раз — рекорды мира.

Но дело не только в рекордах. Школу В. И. Алексеева называют «комбинатом здоровья». Побывайте на любой тренировке — будь

она в спортивном зале или на стадионе, на мягких дорожках соснового леса — парки или га-мбиды на лужайке за городом — и вы непременно услышите свист, ошутитесь в минздравостую, бодрую атмосферу. Каждое занятие зенитовцев проходит в непринужденной обстановке. Будь любая методическая новинка, любое задание быстрее достигнет цели, если, по выражению Виктора Ильича, спортсмен занимается с аппетитом. Если тренировочный процесс будет живым, эмоциональным насыщением. Это, так сказать, один из «секретов» школы, руководимой В. И. Алексеевым. Раскрыть этот веселый «секрет» — одно удовольствие.

Но не в одном веселье дело. Легкоатлеты школы заканчивают круглый год. Это очень важно для достижения высоких результатов. И еще тренеры под руководством Виктора Ильича и каждого воспитаннику (подчеркиваю, и каждому) находят единственный, подходящий и нему «ключ». В школе «Зенита» нет «любимчиков». Нет здесь и «пасынков». Все — будь то олимпийский чемпион, подвизавшийся на любой тренировке или но-

вичок — в полной мере ощущают заботу и внимание воспитателей. Это проявляется и в том, с какой заинтересованностью тренер обсуждает школьные или студенческие дела своего ученика. И в том, что он зачастую, бросив все дела, спешит и родителям своего воспитанника, узнав, что дома у него не все ладно... Говорит тренер, я имею в виду не только В. И. Алексеева, но всех преподавателей легкоатлетической школы. Они восприняли от Виктора Ильича его чудесный дар педагога и его замечательные душевные качества.

...25 лет назад молодой копьеметатель Виктор Алексеев начал заниматься с двенадцатилетними мальчишками и девчонками, терпеливо подкидывавшими — его возле стадиона. А ныне легкоатлетическую школу «Зенита» знают во всем спортивном мире. Ее ценят за высокие спортивные показатели, за выдающиеся мастерство ее питомцев и за то, что она всегда устремлена вперед. И потому не будем удивляться, если в грядущих битвах на мировой спортивной арене прозвучит имена тех ребят, которых мы увидели на стадионе в дождливый августовский день...

На снимках:

1. На тренировке — спринтеры легкоатлетической школы «Зенита».
2. Былший ученик В. И. Алексеева Г. Лукьянов сейчас сам тренирует зенитовцев. Лукьянов — заслуженный тренер СССР.
3. Ирина Пресс — сильнейшая барьеристка мира.
4. Принято побеседовать с Виктором Ильичем: каждому он сумеет дать полезный совет.
5. 14-летняя Валя Абанумова еще покажет себя. У нее талант Галины Зыбиной. Тамара Тышневич и Тамара Пресс.

ПОСЛЕДСТВИЕ

ФОТОГРАФИИ

2

3

4

5

М. ТРУФАНОВ.

СТУДЕНКА.

О. ПОЧТЕННЫЙ.

КОРАБЛИ НА НЕВЕ.

ВСЕГДА

Т. ХАРИТОНОВ.

НА БРАТСКОЙ ГЭС. ↓

В. ШАРОНОВИЧ,
В. НАЗИНА.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

В П У Т И

Однажды, спасаясь от дождя, я зашел в железнодорожный домик в окрестностях Лути. На одной из стен я увидел широкую ленту картинок, вырезанных из ленинградских журналов. Среди них были гравюры Андрея Ушнина, молодого пылкого художника. Хозяйка объяснила мне, что эти иллюстрации собирает ее сын, школьник. Мне стало радостно, потому что истинное искусство находит дорогу к сердцу не только на многолюдных выставках, но и в отдаленных уголках.

Поиск, жажда новых открытий, смелое вторжение в современность — замечательные качества нашей творческой молодежи. Драгоценный материал наблюдений лежит в основе многих работ молодых художников Ленинграда.

Они разные, непохожие, но их объединяет радостное, активное, советское понимание действительности. Они всегда в гуще жизни, среди рабочих, колхозников, рыбаков, среди лучших людей нашей Родины. И утоляют — их жерный и вечный спутник.

Все чаще на журнальных и книжных страницах появляются новые имена художников. В своем творчестве они идут вперед, бережно сохраняя лучшие традиции русской классической живописи. Эта устремленность молодежи прекрасна, потому что двигатель их исканий и свершений — наша кипучая, не терпящая застоя трудовая жизнь.

В этом номере читатели «Смены» могут познакомиться с новыми работами молодых графиков, иллюстраторов и живописцев великого города на Неве.

Борис СЕМЕНОВ

18

марта на площади Восстания — одной из центральных площадей Ленинграда — группа комсомольцев-дружинников во главе с Евгением Гордоном, студентом Электротехнического института, совершила обход своего участка. Ребята собрались уже идти в штаб, когда заметили, что у входа в метро затаивается драка.

Евгений Гордон бросился вперед и, взяв одного из нарушителей за руку, предложил ему пройти в штаб.

— Ты кто такой? — спросил хулиган.

— Я дружинник, — ответил Гордон, показывая свое удостоверение.

— Дружинник! Тогда поучай!

Хулиган внезапно нанес Евгению предательский удар ножом в шею, в область сонной артерии. Гордон пошатнулся. Последовал второй удар... Дружинник ушел. Бандит бросился бежать, но его задержали и доставили в штаб. В то время как преступника связывали, один из дружинников случайно надорвал ворот его рубашки. На груди что-то блеснуло.

— Не смейте лопать святой крест своими грязными руками! — вскрикнул бандит.

Кем же оказался этот порочающийся во христе бандитский молодец? Махровым рецидивистом Анатолием Дутыновым. Ему всего 21 год. Впервые на скамью подсудимых он попал пятнадцать лет за кражу. Суд отнесся к нему очень гуманно, ограничивая условной мерой наказания. У него была возможность вернуться к честной жизни. Но он не пожелал. Мягкость приговора он понахал беззаконности и возможностью творить все что угодно.

Он так и делал: хулиганит, спекулирует валютой и валютами, на которых изображены череп и скрещенные кости, мошенничает. Дутыновка арестовывал, судят его, досрочно освобождает. И снова задерживают. И снова освобождают...

Так поставлен у этого ворадо создается уверенность в своей беззаконности. Когда на очередном суде его спросили:

— Подсудимый, знали ли вы, что на коллках, которыми вы спекулируете, изображена эмблема фашизма?

Он нагло ответил:

— Ну и что? В Америке же их носят...

А. М. Горький в одной из своих статей писал, что расстояние от хулигана до фашиста короче робкого носа. Это грубо верно. Хулиган, как и фашист, стремится разорвать, уничтожить все то, что дорого честным людям. Он начинает с того, что ломает молодые деревья, и кончает насильем, убийством. Он не переносит прекоснования, потому что сам не в состоянии создать его. Хулигану не нравится все то, что дорого нам: труд, дружба, любовь, наши принципы коммунистической правды.

Можем ли мы проявлять к ним гуманность?

Судебные органы очень долго проявляли гуманность к Дутынову. Но не оборачивались ли эта доброта к преступнику жестоко по отношению к честным советским гражданам? К тому же Евгению Гордону? Последнее преступление Дутынова на площади Восстания прокуратура изначально квалифицировала как... превышение предела необходимой обороны. Бандит нападает на дружинника, а ему говорят: «Ты, братец, поступаешь нехорошо, ты превышаешь предел необходимой обороны. Тебе бы следовало бить не в сонную артерию, а в другое место, менее опасное».

Что это — незнание закона или сознательное желание выпродить преступника?

Хирургам удалось спасти жизнь мужественному ювону Евгению Гордону. Но поскольку пострадавший остался жить независимо от действий преступника, последний по закону должен быть обвинен в превышении предела необходимой обороны. И народный суд поступил совершенно справедливо, когда по требованию общественного обвинителя вернул дело Дутынова на дознание. Сейчас этот кверри привлечен к уголовной ответственности по обвинению в умышленном убийстве. Мера терпения исчерпана, он потерял право на жизнь. Городской суд приговорил преступника к расстрелу. Да свершится правосудие!

Дело Дутынова в известном смысле характерно. За последние годы органы милиции, прокуратуры, суд проявляли совершенно недопустимый либерализм в борьбе с опасными преступниками. Это был перегиб. И не только с их стороны. Многие коллективы, ком-

сомольские организации нередко выступали в роли ходоцвта за самыми отвратительными негодями. Мол, изде надо не сажать в тюрьму, а воспитывать. И вот переданным на поруки матерый хулиган, уверенный в своей беззаконности, продолжал свое черное дело. И в конечном счете разлагающее действовал на тех самых молодых людей, которых собирались его воспитывать.

Беззаконность всегда действует разлагающе. Вспомним Макаренку, который не раз в своих трудах подчеркивал мысль, что ни один проступок не должен оставаться безнаказанным, что лишь тот коллектив склеен, который способен огранить себя от произвола отдельных членов.

Но что можно сказать о коллективе, который вичнется с хулиганом, как с полову у него и, потирая ники на собственном абу, слезливо хичет: «Мы сами виноваты, недосчитались его! Мало чуткости проявляли...»

А хулигану нужна не чуткость, а жестокая рука. И ничего не будет в том странного, если мы поймаем бока этим молодецким. Я никогда не стал бы судить человека, поднявшего руку на хулигана.

Либерализм к преступникам во многом вредит движению дружинников. Преставьте, с каким настроением работам дружинники, когда они идеали, что задержанный ими хулиган в тот же вечер оказывается выпущенным миллион на свободу. Вина задержанного — его снова выпустят. А он еще зайдет в штаб да поиздевается над дружинниками. Но попорбит тронь его пальцем. Он же, хулиган, наинет жалобу, и ты должен будешь давать объяснения оправдываться. Таким образом, дружинник поставлен в бесправное положение.

Эта деятельность во многом способствует снижению активности работы народных дружин в последние месяцы. Возьмем тот же Ленинград. По спискам в городе и области значится многие тысячи дружинников, а фактически во-настоящему работают две три сотни энтузиастов. Комсомольцы из отряда Гордона рассказывают, что в Невском проспекте их останавливаем приехали Дутыновка и иронически замечал:

— Вы думаете, что Толмук будет хана? Ерунда... Другим-третим годами отдается...

Однажды мне случилось беседовать с одним народным судьей в городе Выборге. Я спросил у судьи, как он мог простить хулигана, избившего женщину. Отпущенный судом на свободу, озверевый злодей явился домой и убил человека. В ответ судья сохался на добрый десяток газетных статей, в которых воспоинался именно такие случаи. А судьи и прокуроры, которые не верили «раскаиванию» преступников, под-вергались самой жестокой критике.

Мне возражат: ведь есть же закон, по закону и надо действовать. Но дело в том, что все эти случаи либерализма заворачивают, облачают в законную форму. Прокуратура прекращает дела «за нецелесообразностью» или «за отсутствием состава преступления». И все подделано так, что ни один юрист формально не подкажет. Жизнь рождает случаи, которые не предусматривают уголовным кодексом, хотя бы он имел целый миллион статей.

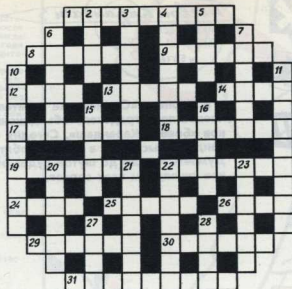
Человек избил человека. В одном случае виновного следует посадить в тюрьму на три года, а другим — на год, в третьем — ограничиться условным приговором и т. д. Словом, действовать с учетом всех обстоятельств дела и личности обвиняемого. Однако во всех случаях надо действовать, стоя на одной и той же твердой позиции. И эта позиция — интерес общества в целом. В ином деле нелегко решить, как с точки зрения интересов общества поступить наиболее правильно.

С одной стороны, наше социалистическое общество кровно заинтересовано в том, чтобы как можно меньше было репрессивных, жестоких мер. С другой стороны, излагая гуманность к преступникам несет в себе жестокость по отношению к трудящимся, страдальцам от их преступлений.

С одной стороны, общество обязано применять все возможные средства переправления преступника. С другой — высшая гуманность повелевает нас опустить каменный меч на голову тех, кто умышленно отнял у человека неотвратимое — жизнь. Понять и учесть это при решении вопроса — значит встать на государственную позицию.

Но посмотрим, с какой же позицией реняются подчас уголовные дела. Возьмем, как сказать, неяркое дело. В Невском районе

КРОССВОРД

КРОССВОРД

Составил Е. ЛАЗУТОВ (г. Ленинград).

По горизонтали:

1. Крупная морская птица. 8. Химический процесс получения пластмасс искусственных волокон. 9. Волосатик в Финляндии. 12. Этническая группа индейцев, населявшая Южную Америку. 13. Цирковой актер. 14. Детское учреждение. 17. Ориентальное музыкальное движение. 18. Полярная область. 19. Механизм металлорежущего станка. 22. Роман О. Гончара. 24. Декоративное растение. 25. Рыба, обитающая в Каспийском море. 28. Эмкаториальное совещание. 29. Поутай. 30. Естественный фон для кинофильма. 31. Герояния арабских народных сказок «Тысяча и одна ночь».

По вертикали:

2. Картина А. Пластова. 3. Вулканическая порода, используемая для строительный материал. 4. Сооружение для зрителей на стадионе. 5. Замкнутая кривая линия. 6. Автор картины «Норвежская рожа». 7. Роман Ф. Павлова. 10. Спор. обмен мнениями. 11. Горы в Молдавии. 15. Русский полярный путешественник. 16. Стог сена. 20. Место стояния судна в порту. 21. Пешеходная дорожка. 22. Старинный танец. 23. Местность, используемая для зарики и лечения. 27. Сосуд для цветов, фруктов. 28. Зарисовка с натуры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЕ В № 16

По горизонтали:

3. Миссоль. 7. Маяк. 8. Джут. 10. «Некра». 12. Волид. 13. Шорин. 18. Цитра. 20. Долина. 21. Радне. 22. Красной. 23. Амундсен. 25. Шираз. 27. Камерун. 28. Нема. 32. Родос. 33. Валет. 34. Шкуна. 36. Скит. 37. Ромб. 38. Грейдер.

По вертикали:

1. Гония. 2. Хорда. 4. Опесунция. 5. Сатин. 6. Кулон. 9. Мор. 11. Чата. 14. Вискинг. 15. Водораз. 16. Нумуд. 17. Плинт. 19. Алмаз. 21. Радон. 24. Меркурий. 26. Анод. 29. Елец. 30. Сононо. 31. Сарма. 34. «Штрим». 35. Арсен.

работник милиции задержал некоего Гигиеншия, который сбывал лапшой лист по спекулятивным ценам. Нарушителя отказался предъявлять документы, отказался идти в милицию, оскорбил представителя власти.

Сотрудник милиции изла нарушителя под руку и предложил пройти в милицию. Хулиган оттолкнул его и дважды ударил в грудь — в лицо. Намно преступление, предусмотренное статей 191 Уголовного кодекса РСФСР (сопротивление представителям власти). И вот следователю Невской прокуратуры задает свидетелю вопрос:

— Можете ли вы утверждать, что гражданин Гигиеншия ударил работника милиции со злым умыслом?

— Мне кажется, да, — отвечает свидетель.

— Ах, это вам только кажется... А может, обивничем ударила без умысла, вырвавшись? Может, он ударила по необходимости? Или случайно?

Предупреждаю о том, что он должен говорить только правду, свидетель при такой постановке вопроса, которой позиционировала бы любой адвокат, уже ничего не может утверждать. Он видел, что Гигиеншия ударила сотрудника, а с умыслом или без оно, то — ему, свидетелю, не известно. И дело прекращается «за отсутствием состава преступления».

Ну что ж, с точки зрения гражданина Гигиеншия он и в самом деле не совершал преступления. Он просто «ударил случайного». Хотя какая может быть случайность, если преступник активно вырвался из рук представителя власти, уже ОДНИМ ЭТИМ нарушением закон.

А вот еще один пример прокурорской либеральности — дело неоднократно судившегося и вынужденного досрочно реидицианта Быстрова. По дороге в город Урицк Быстров пытался изнасиловать встретившуюся ему девушку, работницу Главного почтамта Е. Она стала кричать. Заметив приближающихся людей, Быстров уткнул ее в болате. Сам он тоже свирепал в этом болате. Когда его заставили выйти оттуда, то под ногами его обнаружались труп жертвы. Все улики были налицо. Однако первоначально Быстрову было предъявлено обвинение... в хулиганстве и неперехваченном убийстве. Моа, преступник без це-

ли покушения на жизнь толка девушку, он-де просто хотел скрыть следы преступления.

Общественный обвинитель потребовал перекалассифицировать на умышленное убийство, но в результате странной позиции прокуратуры простое дело оказалось запутанным и тянулось целый год. И только на днях Ленинградский городской суд приговорил убийцу к расстрелу.

Последнее время милицию нередко упрекают в том, что она скрывает преступления, отказывается принимать жалобы потерпевших. Да, такие факты есть и в Ленинграде. Но что толкает работников милиции на сокрытие числа нарушений? Прежде всего то обстоятельство, что работу райотдела милиции оценивают еще и по тому, насколько эффективно в их районе снижается преступность, иначе говоря, по статистическим данным. А статистику «сделать» те же милиция. Таким образом, тот райотдел милиции, который регистрирует меньшее количество нарушений, будет считаться лучшим. А другой райотдел милиции работает не за страх, а за совесть, работники его задерживают каждого нарушителя, число зарегистрированных нарушений, следовательно, возрастает, но он будет на плохом счету. У него «плохие» показатели. Выходит так: чем меньше задерживают нарушителей, тем лучше.

Вот до какой глупости может довести бездумная погоня за показателями! Эту порочную практику учета поддерживает Министерство внутренних дел РСФСР.

История знала в таких правителей, которые руководствовались противоположным: «Лучше простить семерых виновных, чем наказать одного невинного».

Но так ли уж противоположны эти принципы? Ведь и в том и в другом случае страдают невинные люди. В первом случае они страдают от рук властей. Во втором случае — от рук нарушителей: ворон, убийц, насильников. И при торжестве любого из этих принципов царит произвол.

А нам нужна большая, человеческая, коммунистическая справедливость.

Этого требует народ.

СПРАВОЧНОЕ БИМ

Вот как надо пеленать ребенка.

Боевой Карандаш

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖНИК РСФСР»
№ 56 (667)

В журнале «Смена» уже печатались рисунки членов ленинградского объединения художников «Боевой Карандаш». Сегодня «Боевой Карандаш» выступает в Клубе любителей шутки. Думаем, что не до шуток будет от его рисунков тунеедцам всех сортов.

Михей Михайлович Михайлов был человек как человек, трудился на заводе добросовестно, благодарности получал за безупречную работу. А потом погряз в тине собственности. Имен квартиру в Ленинграде, построил в поселке Решино большой дом с различными пристройками, полукустарный земельный участок орошая металлическим забором. В своей «латифундии» он выращивает ягоды, овощи, разводит свиней, птицу, пчел. Полученную продукцию сбывает на рынках по спекулятивным ценам.

(Из газеты
«Ленинградская правда»).

Был рабочим Пров Фомич на большом заводе. А теперь сидит, как свич, он на огороде. Сделалось привычкой торговать клубничкой. Стал рабочему торгашом. Разве это хорошо?

Рисунок Ю. ТРУНЕВА.
Стихи В. АЛЕКСЕЕВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е-170-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-52; международная жизнь — доб. 3-31; фельетоны и спорт — доб. 3-44; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-33; на- уки и техники — Е-7-65-82; сатиры и юмора — Е-7-65-82; оформления — Е-7-51-52.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дол- матовский, С. В. Егоров [ответственный секре- тарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумовичи [замес- титель главного редактора], Е. И. Рачиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Художественный редактор А. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Бужиния.

Рукописи не возвращаются.

А 90322 Подписано к печати 28/III—61 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1282
Заказ № 2080 Формат бумаги 70х108/4
2 б. л.—5,48 л. л.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Клуб Рижского линоеро-валячного завода, построенный в центре большого рабочего района, призван стать подлинным очагом культуры. Но директор клуба тов. Седов всю культурно-просветительную работу свел к организации платных танцевальных вечеров.

(Из газеты «Советская молодежь»).

НЕДЕЛЬНЫЙ ПЛАН РАБОТЫ КЛУБА

План клубработы составлял, Решил он: главное — доход! Вот голова-то где дурная Ногам покоя не дает!

Рисунок В. КЮННАПА.
Стихи В. СУСЛОВА.

Федор Морозов, получив среднее образование, на протяжении многих лет болтался без дела. Вместе с тем он любил ридаться в пеструю заграничную одежду. Эта погоня за всем иностранным заставила 27-летнего туне-щадца ездить в южные пор-товые города, закупать у ино-странных моряков подер-жанную одежду, старые нос-ки, обувь. Эти пестрые об-щески он привозил домой в Ростов и продавал на веще-вом рынке.

(Из ростовской
газеты «Молот»).

Здесь разных стран
обшески есть,
А-ля Нью-Йорк,
А-ля Париж...
Таким, как он,
плывать на чести,
Когда предадутся
барыш

Рисунок В. ЗАВЬЯЛОВА,
Л. КАМИНСКОГО,
В. ТРАВИНА.
Стихи Г. ТУМАРИНСОНА.

Рабочий Абросимовского лесничества Юринского района. Маринский АССР, В. Фролов был неоднократно осужден на раз-ные сроки. Вернувшись из мест заключения, он постоянно пьянствовал, отлынивал от работы. Напившись однажды, он устроил дебош. Чувствуя, что несдобровать, Фролов прибежал в лесничество: «Братцы, выручайте меня на поруки!»

(Из газеты «Марийская правда»).

ой, возьми-те!
НА ПОРУКИ!

РИСУНОК
Д. ОБОЗНЕНКО.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЙЦЕР

ТРИ ФИЛЬМА, ТРИ НАЗВАНИЯ...

...Сойдя со школьного порога,
Паришка в жизни ищет путь...
Мы посмотрели фильмов много,
Где это — основная суть.
Но чтобы нам у киностудий
Не подирать авторитет,
Мы называть картин не будем,
Расскажем только их сюжеты.

1. ЦЕЛИННИЙ ВАРИАНТ

Герой, с медалью кончив школу,
На целину спешит (не в Крым!),
Среди бызальных новоселов
Себя он чувствует чужим.
Неприкосновенный и робкий,
Владет наш герой в тоску,
Пока случайно хлеборобку
Не повстречает на тую.
Она любить его заставит
И роль и савабодот.
Она ребром вопрос поставит
И в агротехнику отправит.
И вот, когда он все поймет,
Она в мужья его возьмет.
Попутно вора на поруки
Берет здоровый коллектив,
А вор берет гитару в руки
И на бланной поет мотив:
«Ах ты, родная посевная,
Найдя я счастье наконец...»
Шумит пшеница золотая,
Пыхтит комбайн... Наплыв... Конеч.

2. АРМЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

Герой, с медалью кончив школу,
Идет служить в воздушный флот,
Но среди летчиков веселых
Себе он места не найдет.
Никак не свяжутся он с новой,
Нелегкой жизнью полковой.
Пока не встретится в столовой
С официанткой полковой.
Она любить его заставит
Шасси и бреючий полет.

Житель города Златоуста Ю. Павлов после окончания школы нигде не работал, четыре года сидел на шее у родителей.

Общественность города не могла мириться с тем, что этот великовозрастный детина болтается без дела, живет тунеядцем. Товарищеский суд обязал Павлова в недельный срок поступить на работу.

(Из газеты «Челябинский рабочий»)

У папы с мамой это чадо
Сидеть на шее было б rado.
Но мы вмешались, и сейчас
Работать будет лоботряс.

Рисунок М. БЕЛОМЛИНСКОГО.
Стихи М. РОМАНОВА.

Рисунок Г. КОВЕНЧУНА.
Стихи М. РОМАНОВА.

Если кто думает хорошо жить, но плохо трудится — это тунеядец. Кто же для такого будет создавать блага, о которых он мечтает? Человечек должен сам создавать ценности... Только прощальник хочет жить за счет чужого

го труда, и поэтому в их воображении идеал жизни — это ничего не делать и хорошо жить. Повторю, это — тунеядцы.
(Из выступления Н. С. Хрущева на Венгерской промышленной выставке).

Любовь к труду у нас в крови —
Клейким бездельников сурово:
Позор тому, кто норовит
Прожить свой век за счет другого!

ОСТОРОЖНО,
ОКРАШЕНО!

Рисунок В. ТРАВИНА.

Его обедами поправит,
На курсы штурманов направит.
И вот, когда он все поймет,
Ему доверят самолет.
Полупрозрачный помкомроты
Преобразится в добряка
И, возвратившись из полета,
Споет на вечер полка:
«Ах ты, родная строевая,
Эх, веселей шагай, боец!»
Шумит пропеллер, завывая,
Гудит мотор... Наплыв... Конеч.

3. ЗАБЫЧНЫЙ ВАРИАНТ

Герой, с медалью кончив школу,
Идет работать на завод,
Но труд литейщика тяжелый
Его изначально не влечет.
Герой найти не может счастья,
И так он мается, пока
У проходной не встретит Настю
Из заводского ОТК.
Она любить его заставит
Своей цех родной и свой завод,
Его характер переплавит,
В вечерний вуз его отправит.
И вот, когда он все поймет,
Он не захочет брать расчет.
Полупрозрачный на фестивале
Бригаде Настинной дадут,
И все, собравшись у-роляя,
Стихи читают и поют:
«Ах ты, родная проходная,
Эх, гайка, втулка и резьба...»
Шумит турбина паровая,
Гудит гудок... Наплыв... Конеч.

Мы рассказали содержание
Трех наших виденных картин.
Три разных фильма, три названия,
А вывод простится один:
Писать сценарии иначе,
Искать у жизни новых тем —
Она значительно богаче
Таких сухих, холодных схем!

10.000 КИЛОМЕТРОВ по просторам Родины

Недавно стартовал специальный самолет «Смены», на борту которого находится группа корреспондентов нашего журнала. Полет проходит по территории Украины, Кубани, Кавказа, Казахстана, Урала, Севера Европейской части СССР, Прибалтики, Белоруссии.

В ближайших номерах журнала читайте материалы, подготовленные выездной редакцией «Смены», в которых будет рассказано о труде, учебе, отдыхе юношей и девушек разных уголков нашей необъятной Родины.

